

П. ДУДОРОВЪ.

ИЗБРАННЫЯ

Русскія

Сказки

Выпускъ VI.

изданіе
книжнаго склада
МВ. КЛЮКИНА

Въ книжномъ складѣ М. В. КЛЮКИНА

между прочими, продаются слѣдующія книги:

Изданія для дѣтей.

А. В. Разказы о русскихъ самоучкахъ. 1 и 2 в., п. 35 к.

Андерсенъ, Г. Избранныя сказки. Переводъ подъ ред. М. Васильева, съ рис., изд. 3-е, . 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— Собраніе сказокъ. 25 выпусковъ по возрастамъ. Пер. подъ ред. М. Васильева, съ рис. Вышли 1, 2 и 6, п. по 25 к.

— Четыре разказа. Перев. подъ ред. М. Васильева. Съ рис., п. 20 к., въ пап. 35 к.

Бизлей. Разказы изъ Римской исторіи. Новое изд. дополн., М. 1901 г. п. 40 к. Въ папкѣ п. 55 к.

Беклей, Ар. Жизнь и ея дѣти. Очерки изъ жизни животныхъ, отъ простѣйшихъ до насѣкомыхъ. Съ рис. Пер. подъ ред. А. Никольскаго. М. 1901 г., п. 1 р.

Брассей, А. „Вокругъ свѣта въ одиннадцать мѣсяцевъ“. Путевыя записки, съ рис., п. 1 р. Въ папкѣ п. 1 р. 25 к.

Бѣлоусовъ, И. А. „Малыши“. Разск. и стихотвор. для дѣтей. Съ 35 рис. Изд. 3-е. М. 900 г., п. 30 к. Въ папкѣ п. 45 к.

— „Мои дѣткамъ“. Разск. и стихотв. для маленькихъ дѣтей. Съ рис. Изд. 3-е. М. 1900 г. п. 25 к. Въ папкѣ п. 40 к.

— „Росинки“. Разск. и стихотв. для дѣтей, съ рис., п. 35 к. Въ папкѣ п. 50 к.

— Мамины сказки. Съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ п. 45 к.

Васильевъ, М. „Въ лѣсу и въ полѣ“. Разск. для дѣтей. Съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. 5-е. М. 904 г. п. 30 к. Въ пап. п. 45 к.

— „Рябятки“. Разск. и сказ. для маленькихъ дѣтей. Съ 50 рис. въ тек. Изд. 3-е. М. 98 г., п. 45 к. Въ папкѣ п. 60 к.

— „Гурьбой“. Разск. и сказ. для маленькихъ дѣтей. Съ 25 рис. Изд. 3-е. М. 1901 г., п. 25 к. Въ папкѣ п. 45 к.

— „Изъ природы“. Разск. и сказки изъ жизни и природы. Для дѣтей младшаго возраста, съ рис. М. 98 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— „Изъ дѣтства“. Воспом. и раз. для дѣтей, съ рис. Изд. 2-е. М. 901 г., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— „Разскажи мнѣ“. Разск. изъ естеств. исторіи для млад. возр., съ рис. 64 стр. М. 99 г., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Изъ родного быта. Разск. для дѣтей, съ рисун., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Изъ простой жизни. Разск. для дѣтей, съ рисун., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Сказки жизни и природы рус. писат., съ рис. Въ папкѣ 1 р.

— „Подростки“. Разказы и сказки русскихъ писателей, съ рис. Литвиненко. М. 99 г., п. 35 к. Въ папкѣ 50 к.

— Посѣвы. Сборникъ духовныхъ стихотвореній, п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— Изъ прошлаго земли русской. Сборн. стихотвор. истор. содержан. изъ русскихъ поэтовъ. Вып. I. Древняя Русь. М. 1901 г. п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

— Тоже, выпускъ II. Новая Русь, цѣна 50 к. Въ папкѣ 65 к.

— Тоже, выпускъ III. Богатыри, 50 к.

Владимирова, А. К. Въ Африкѣ на рѣкѣ Конго, перев. съ англійск., съ рисунками, п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Голова, Е. „Подруги“. Разказы для дѣтей, съ рис. М. 1903 г., п. 35 к. Въ папкѣ 50 коп.

Гофманъ и Гриммъ. Волшебныя сказки для дѣтей. Съ раскр. рисунок. М. 99 г. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

Гофманъ. Волшебныя сказки. Съ рис. М. 99 г., п. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

Гофманъ, Ф. Бѣдный мальчикъ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. М. 902 г., п. 65 к. Въ коленк. пер. 1 р. 25 к.

Гриммъ, братья. Библіотека сказокъ, „обранныхъ бр. Гриммъ. Перев. подъ редакц. А. Терешкевича. Изд. 2-е, вв. 1—2 младшій возрастъ; 3, 4, 5, 6—средній возрастъ; 7, 8, 9 и 10 старшій возрастъ, съ рисун. п. по 20 к. Въ папкѣ по 2 вып. 50 к.

— „Дѣдушкины сказки“. 8 избр. сказокъ съ рисун. М. 99 г. п. 35 к. Въ папкѣ п. 50 к.

Динкенсъ. Скрыга Скруджъ или три добрыхъ духа. Перев. Сердобольскаго. Изданіе 4-е. М. 1904 г. п. 35 к.

— Малютка Тимъ и др. разск. для дѣтей. Съ рис. М. 902 г. п. 45 к. Въ папкѣ п. 60 к.

Догановичъ, А. Отвычныя сердца. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 1904 г. цѣна 45 к. Въ папкѣ 60 к.

— „Васильки“. Раз. и сказ. для мал. дѣт., съ 20 рис. М. 98 г. п. 30 коп. Въ папкѣ 45 коп.

Джемсонъ. Леди Дженъ. Пов. съ рис. М. 99 г. п. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

Епифановъ, Ив. Игорь Князь Новгородъ-Сѣверскій. Истор. разск. съ рисунк., п. 20 к. Въ папкѣ 35 к.

— Герой былого времени. Истор. пов.

И 407
109

f

Л. Дудоровъ.

ИЗБРАННЫЯ
РУССКІЯ СКАЗКИ.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

Диво-дивное. — Сказка объ Иванушкѣ-дурачкѣ. —
Иванъ сирота. — Ома Беренниковъ.

Съ рисунками худож. П. Литвиненко.

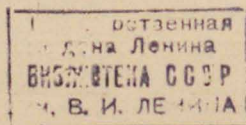

МОСКВА.—1915.

Изданіе книжнаго склада М. В. Ключкина.
Ваганьковскій пер., д. № 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Диво-дивное.....	3
Сказка объ Иванушкѣ-дурачкѣ.....	19
Иванъ сирота.....	36
Ома Беренниковъ.....	54

Диво-дивное.

I.

Жила-была въ деревнѣ старуха.

А у старухи этой былъ сынъ Иванъ.

Иванъ въ полѣ работалъ: пахаль, сѣяль, молотилъ и прочее; дрова возилъ и на охоту ходилъ.

Всего у нихъ довольно было.

Вотъ разъ пошелъ Иванъ на охоту и собакъ гончихъ съ собой прихватилъ.

Долго ходилъ онъ по лѣсу, ничего не встрѣчая, но, наконецъ, нанюхали собаки заячій слѣдъ.

Погнались собаки за зайцемъ, а Иванъ выбралъ мѣстечко, спрятался за деревомъ и сталъ ожидать, пока собаки на него зайца нагонять.

Гоняли-гоняли собаки зайца и совсѣмъ близко его къ Ивану подогнали.

Совсѣмъ-было Иванъ прицѣлился и уже стрѣлять хотѣлъ, да вдругъ заяцъ остановился, повернулся, да прямо на собакъ кинулся.

Глядитъ Иванъ и глазамъ своимъ не вѣритъ.

Стали собаки отъ зайца улепетывать, еле ноги унесли.

Такъ и ушелъ заяцъ.

Пришелъ Иванъ домой, по дорогѣ одну куропатку убилъ.

Пришелъ и рассказываетъ матери:

— Ну, старушка, видѣлъ сегодня диво-дивное.

— Что же ты, сынокъ, видѣлъ?—спрашиваетъ мать.

— Гнали наши собаки зайца, а заяцъ вдругъ обернулся, да на собакъ кинулся. Пошли собаки отъ него наутекъ, ели ноги унесли. Сроду ничего подобнаго не видѣль,—отвѣчаетъ Иванъ.

Выслушала баба сына и говорить:

— Ну, сынокъ, это еще не особенное диво. Бываетъ и хуже. Вотъ живетъ въ сосѣднемъ селѣ мужикъ Пахомъ, такъ тотъ и взаправду диво-дивное видѣль.

Интересно было Ивану про диво-дивное узнать.

И рѣшилъ онъ къ Пахому сходить, про диво-дивное узнать.

Вотъ пришло воскресенье, одѣлъ Иванъ шапку и пошелъ въ сосѣднее село.

Нашелъ онъ Пахома, рассказалъ ему, какое диво съ нимъ на охотѣ приключилось и про то, какъ мать ему на него, Пахома, указала.

— Расскажи мнѣ про диво-дивное, которое ты видѣль. Вотъ и рассказалъ ему Пахомъ.

II.

— Ъхаль я разъ по лѣсу.

Лежу на дровняхъ и подремываю.

Лошадка рысцой бѣжитъ, санки потряхиваются.

Выѣхаль я на поляну, вижу—волкъ идетъ.

Идетъ, зубы скалитъ, видно, голодный.

Увидалъ онъ меня съ лошадыю, открылъ пасть, да какъ бросится на насъ.

Ну, думаю, пропала лошадь. А, можетъ быть, и я.

Подбѣжалъ къ лошади, а я схватилъ топоръ, да какъ хватилъ волка по спинѣ, такъ однимъ ударомъ его на-двое перерубилъ.

Думаль—сдохнетъ волкъ.

Анъ, гляжу, обѣ половинки въ разныя стороны поскакали.

Да такъ въ лѣсу и скрылисъ.

— Вотъ какое диво-дивное видѣлъ я. А только и это не самое дивное диво, —сказаль напоследокъ Пахомъ.— Вотъ живетъ отъ насъ въ десяти верстахъ старикъ Еремѣй, такъ тотъ почище диво-дивное видѣлъ.

Подивилъ Иванъ разказу Пахома.

Поблагодарилъ онъ его за разказъ и пошелъ домой.

А на слѣдующее воскресенье собрался и пошелъ Еремѣя искать, чтобы про диво-дивное отъ него узнать.

Пришелъ сначала въ сосѣднее село, отъ него еще десять верстъ отошелъ и въ деревню пришелъ.

Отыскалъ Иванъ тамъ стараго Еремѣя, сталъ его про диво-дивное спрашивать.

Вотъ сталъ ему Еремѣй разказывать.

III.

— Былъ у насъ въ деревнѣ мужикъ Антонъ.

А у Антона этого былъ сынъ.

Тогда ему было лѣтъ пятнадцать въ то время.

Да и мнѣ не больше того было. Съ Антоновымъ парнемъ я дружбу водилъ и въ мячъ съ нимъ часто игралъ.

Вотъ стали мы, ребята, какъ-то въ воскресенье въ мячъ играть.

Играли-играли.

Мячъ Антонову сыну принадлежалъ.

А около деревни нашей Волга протекала.

Въ этомъ мѣстѣ она съ версту шириной была.

Ладно.

Вотъ Антоновъ сынъ размахнулся палкой, да какъ ударить по мячу!

Такъ сильно по мячу ударилъ, что мячъ черезъ всю рѣку перелетѣлъ и на другомъ берегу упалъ.

Закручинился парнишка.

Вся бѣда была въ томъ, что въ этотъ день на ту сторону Волги никакъ перебраться нельзя было.

Моста и въ поминѣ не было, вплавь такую ширину никто переплыть не могъ, а мѣрская лодка, на которой мы раньше Волгу, бывало, переѣзжали, въ это утро, словно на зло, о камень разбилась.

Прибѣжалъ парень къ отцу, сталъ плакать, сталъ просить мячъ достать.

Пришелъ Антонъ къ намъ и спрашиваетъ:

— А не замѣтили ли вы мѣсто, гдѣ мячикъ упалъ?

Ну, мы и показали.

— Вотъ, молю, около того деревца.

Антонъ и говоритъ:

— Ладно.

Пошелъ онъ къ себѣ во дворъ, глядимъ, ведетъ отсюда быка.

— Ладно, — говоритъ, — сейчасъ вамъ мячъ достану.

И погналъ быка къ берегу.

Ну, мы, конечно, толпой за нимъ.

Любопытно, какъ онъ мячъ достанетъ и зачѣмъ онъ для этого на берегъ быка гонить.

Подошелъ Антонъ къ берегу, схватилъ быка за хвостъ, обернулъ хвостъ вокругъ руки, крѣпко-накрѣпко закру-

тиль, собрался съ силою, да какъ взмахнетъ быкомъ, такъ вмѣстѣ съ нимъ на другой берегъ и перелетѣль.

Нашелъ онъ тамъ мячъ.

Взялъ его въ карманъ, опять бычій хвостъ вокругъ руки обмоталъ, опять быкомъ по воздуху какъ махнетъ, такъ вмѣстѣ съ нимъ на нашъ берегъ и перелетѣль.

Вотъ, парень, что дѣйствительно было диво-дивное.

Выслушалъ Иванъ Еремѣя, подивился, какія чудеса на бѣломъ свѣтѣ бываютъ.

А Еремѣй и говоритъ:

— Да и это чудо не самое большое диво-дивное. А вотъ живетъ отъ насъ въ пятидесяти верстахъ старикъ Федуль, такъ тотъ дѣйствительно диво-дивное видѣль.

Поблагодарилъ Иванъ Еремѣя за рассказъ.

И пошелъ-было домой.

Да и подумалъ:

„Домой итти цѣлый день нужно, а изъ дома до Федула снова три-четыре дня итти, такъ не лучше ли прямо къ Федулу итти. Все на два дня итти меньше“.

Не пошелъ Иванъ домой, а пошелъ къ Федулу.

Ужъ больно любопытенъ былъ Иванъ.

Шелъ онъ день, шелъ другой, на третій день къ Федулу пришелъ.

Федуль на заваленкѣ сидѣль и на улицу глядѣль.

Подошелъ къ нему Иванъ, поздоровался.

А Федуль и спрашиваетъ:

— Откуда и зачѣмъ пришелъ?

Иванъ и отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, говорятъ люди добрые, что ты самое диво-дивное видалъ, такъ я и пришелъ попросить, чтобы ты мнѣ про него рассказалъ.

Посмотрѣль на него старикъ.

— Что же, изволь... Рассказать мнѣ не трудно.

Посадили тутъ Федулъ Ивана съ собой рядомъ и стали разсказывать.

IV.

— Была у меня раньше жена.

Теперь она уже умерла, да и я свой вѣкъ доживаю.

Ну, а тогда мы съ ней вмѣстѣ жили.

И была моя жена такая задорная и злая, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать.

Бывало, что ни попросишь, ни за что не исполнить, только все время бранится, да хо всякой мелочи привязывается.

Ну, просто хотъ бѣги вонъ.

Слова добраго отъ нея добиться было нельзя.

И была наша жизнь такой ужасной, что, кажется, лучше было бы въ каторгу итти.

Думаль я, думаль, гадалъ я, гадалъ, и вздумаль, наконецъ, жену хорошенько веревкой проучить.

Вотъ какъ-то разъ начала она меня по обыкновенію пилить да точить.

Взялъ я веревку и говорю:

— Ну, баба, не билъ я тебя до сихъ поръ, да больше мнѣ неволю терпѣть. И чтобы тебѣ не повадно было меня больше ругать, рѣшилъ я тебя какъ слѣдуетъ веревкой проучить.

Не зналъ я тогда, что жена со мной сдѣлать можетъ.

Только успѣлъ я эти слова сказать, какъ она схватила палку, ударила меня по спинѣ и говоритъ:

— Ходилъ ты до сихъ поръ человѣкомъ, а теперь побѣгай-ка ты чернымъ псомъ.

Въ ту же минуту я и превратился въ чернаго пса.

Съ той поры сталъ я по двору, да по улицѣ бѣгать.

Бывало, по цѣлымъ часамъ вылъ у окна или у двора, все думаль, что баба моя смилуется и меня опять въ человѣка обратитъ.

Да не тутъ-то было.

Баба моя не только сжалиться надо мною не хотѣла, но каждый разъ норовила мнѣ лишь больно сдѣлать.

То камнемъ въ меня пустить, то кипяткомъ меня изъ окна ошпарить, то палкой ударить.

Да хоть бы кормила меня при этомъ досыта.

А то, вѣдь, и кормить-то совѣмъ не кормила.

Самъ найдешь какую-нибудь кость, такъ ладно, а не найдешь, такъ и ложись спать голоднымъ.

Словомъ, настала для меня такая мучительная жизнь, что хоть въ воду топись или просто сдыхай.

Думаль я, думаль, такъ и эдакъ прикидываль, да и рѣшилъ, наконецъ, уйти, куда глаза глядятъ.

Выбѣжалъ я въ поле.

Гляжу, а въ полѣ стадо сосѣдней деревни ходить, а стадо-то пастухъ сторожить.

Вотъ я и присталь къ стаду.

Сталь я помогать пастуху то стадо стеречь.

Увидаль пастухъ, какъ я стараюсь, и накормилъ меня.

А я и взаправду старался.

Бывало, только отобьется отъ стада корова или овца, я на отбившуюся брошусь и живо ее пригоню.

Съ этого дня сталь я при пастухѣ жить, со стадомъ ходить, а пастухъ меня за это кормить сталь.

Волкамъ отъ меня пощады не было.

Цѣлый десятокъ волковъ перегрызъ я, а тѣ, которые остались, до того напугались, что стадо совѣмъ въ по-коѣ оставили и даже ближній лѣсъ покинули.

Скоро я такъ научился стадо пасти и оберегать, что не надо было стаду и пастуха.

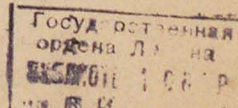
И безъ него я со вѣмъ стадомъ управлялся.

Бывало, ляжетъ пастухъ и заснетъ, а я за него все дѣло дѣлаю.

Ни одного ягненка у меня украсть нельзя было.

Иногда пастухъ по цѣлымъ днямъ въ деревнѣ сидѣль, а я стадо пасъ.

И за это онъ такъ меня полюбилъ, что всякимъ кускомъ со мной, бывало, дѣлился.

Вотъ какъ-то разъ заснулъ онъ на полѣ и что-то долго проспалъ у дороги.

Я тѣмъ временемъ стадо понемножку къ водою на рѣку гналъ и довольно далеко стадо отъ пастуха отогналъ.

Проснулся пастухъ, а баринъ по дорогѣ катить.

Поровнялся баринъ съ пастухомъ и спрашиваетъ:

— Что же это ты такъ за стадомъ смотришь? Или не видишь, что стадо отъ тебя на полверсты ушло?

А пастухъ отвѣчаетъ:

— Это, баринъ, ничего, при моемъ стадѣ есть черный песь, а тотъ песь лучше пастуховъ стадо оберегаетъ.

Не повѣрилъ баринъ.

— Что ты мнѣ глупости городишь, — говоритъ. — Вотъ хочешь объ закладъ биться, что я сейчасъ къ стаду пойду и люблю корову изъ него уведу.

Подумалъ пастухъ и отвѣчаетъ:

— Давай объ закладъ биться. Коли уведешь какую-нибудь корову, такъ бери мое жалованье за цѣлый годъ, а коли не уведешь, такъ заплати мнѣ двѣсти рублей.

Баринъ согласился.

Вышелъ онъ изъ брички, догналъ стадо, подошелъ къ нему и хотѣлъ-было корову поймать.

А я какъ наскочу на него.

Какъ онъ ни отбивался отъ меня, а я ему всѣ ноги изгрызъ, да и самого бы искусалъ, если бы онъ не убѣжалъ.

Нечего дѣлать.

Отдалъ онъ пастуху двѣсти рублей и уѣхалъ.

А пастухъ меня съ этого дня еще больше полюбилъ.

Прожилъ я съ пастухомъ до осени.

И вдругъ захотѣлось мнѣ домой сбѣгать.

— Можетъ быть, думаю, теперь баба моя смилуется и меня опять въ человѣка превратитъ.

Оставилъ я стадо и побѣжалъ уже подъ вечеръ, когда стадо уже къ деревнѣ шло, въ свою деревню.

Подбѣжалъ я къ своей избѣ и завылъ.

Услыхала этотъ вой моя баба.

Вышла она изъ избы, огрѣла меня палкой по спинѣ, да и говоритъ:

— Ахъ, ты опять здѣсь! Ну, хорошо, надоѣло тебѣ бѣгать чернымъ псомъ, такъ полетай-ка теперь снѣгиремъ. И превратился я тотчасъ же въ снѣгира.

Вспорхнулъ я, замахалъ крыльями и взлетѣлъ на дерево.

Тутъ я и птичій языкъ понимать сталъ.

Сталъ я съ той поры на деревьяхъ жить, на крышахъ, по дворамъ, полямъ летать, зерна собирать.

Осенью на поляхъ зеренъ много было.

Жилось сытно.

А вотъ когда пришла холодная зима, да покрылась земля снѣгомъ, тутъ-то мнѣ пришлось совсѣмъ плохо.

Нашего брата, птицъ, много, а корма мало.

Иной разъ день-деньской летаешь - летаешь, да такъ къ вечеру и не насытишься, такъ голоднымъ и уснешь на вѣткѣ.

Да и холодъ донималъ, морозъ иной разъ такъ хватить, что на лету, того гляди, замерзнешь.

Вотъ леталъ я, леталъ, да какъ-то разъ залетѣлъ въ какое-то село и сѣлъ на вѣткѣ въ садикѣ.

А рядомъ со мной воробей присѣлъ.

Посмотрѣлъ я внизъ и увидѣлъ западню.

А воробей мнѣ и говоритъ:

— Вотъ, сынишка колдуна западню для нашего брата поставилъ.

Я спрашиваю:

— А каковъ этотъ колдунъ? Добрый или злой?

— Колдунъ добрый, — отвѣчаетъ воробей.

Вотъ я и призадумался.

Голодень я въ этотъ день былъ очень сильно.

За весь день удалось найти какихъ-нибудь сто зеренъ, а сто зеренъ мнѣ обыкновенно и на полдня не хватало.

„А что, — сталъ думать я, — если мнѣ самому въ эту западню нарочно влетѣть. Зерна тамъ есть.

„А поймаютъ меня, такъ и кормить будутъ и въ теплѣ будутъ держать“.

Сказано—сдѣлано.

Слетѣль я на землю, а потомъ въ западню влетѣль.
Захлопнулась за мною западня.

Поѣль я въ темнотѣ насыпанныя въ западнѣ зерна,
насытился и сталъ ждать.

Прошло часа три.

Но вотъ пришелъ сынъ колдуна, Гриша, вынулъ меня
изъ западни и понесъ въ домъ.

Колдуна дома не было.

Прибѣжалъ къ нему сынишка.

Показалъ меня и говоритъ:

— Вотъ какого я, папа, снѣгирия сегодня поймалъ. Я
его сейчасъ въ клѣтку посажу, буду кормить и поить.

Взялъ меня въ руки колдунъ и сталъ во все стороны
повертывать, со всехъ сторонъ меня осматривать.

Смотрѣль-смотрѣль и говоритъ:

— Нѣтъ, Гриша, этого снѣгирия ты не посадишь въ
клѣтку.

— Почему?—спрашиваетъ Гриша.

— А потому, что это не снѣгирь, а человѣкъ.

Тутъ онъ дунулъ на меня, я и сталъ снова мужикомъ.

Обрадовался я, сталъ его благодарить, а потомъ сталъ
его просить научить меня, какъ бы мою злую жену на-
казать.

Далъ онъ мнѣ прутикъ и говоритъ:

— Возьми ты этотъ прутикъ въ правую руку, хлесли
имъ свою жену по правому плечу и скажи: „Ходила ты
до сихъ поръ бабой, а теперь побѣгай ослицей“.

Поблагодарилъ я его, взялъ въ правую руку прутикъ,
запомнилъ деревню, въ которой колдунъ жилъ, распро-
силъ про дорогу до дому и пошелъ домой.

Шель-шель и пришелъ.

Пришелъ и спрятался за свой овиный.

Вотъ дождался я вечера.

Гляжу, а моя жена изъ избы выходитъ, чтобы на по-
сѣдки итти.

Вышелъ я изъ-за овина, подкрался къ ней тихонько
сзади, ударилъ ее прутикомъ по правому плечу.

— Ну, жена, ходила ты до сихъ поръ бабой, а теперь побѣгай ослицей.

Въ ту же минуту моя жена въ ослицу и превратилась.

Взялъ я палку и выгналъ вонъ со двора.

Потомъ передумалъ, побѣждалъ за нею, догналъ, надѣлъ ей недоуздокъ и привязалъ ее въ сараѣ.

Съ той поры сталъ я ее кормить гнилой соломой и кули на ея спинѣ возить.

Проработалъ я на ней цѣлыхъ два года.

Могъ бы я на ней и всю жизнь работать, да только жаль мнѣ стало, наконецъ, свою бабу.

Подумалъ я, подумалъ и пошелъ опять къ колдуну, который меня выручилъ.

Пришелъ и говорю:

— Не хочу больше бабу свою мучить. Сдѣлай милость, научи, какъ мнѣ ее снова въ человѣка превратить.

Колдунъ и отвѣчаетъ:

— Дамъ я тебѣ другой прутикъ. Возьми его въ лѣвую руку и ударь имъ ослицу.

Тутъ онъ мнѣ далъ прутикъ.

Поблагодарилъ я его и пошелъ домой.

Пришелъ я домой, вошелъ въ сарай, взялъ прутикъ въ лѣвую руку и ударилъ имъ мою ослицу.

И въ тотъ же мигъ ослица въ мою бабу превратилась.

И съ той поры моя жена совсѣмъ измѣнилась.

Отъ бывшей злости и слѣда не осталось, стала она бабой степенной, ругаться перестала, и прожили мы съ нею въ мирѣ и согласіи до самой ея смерти.

Вотъ какое со мной диво-дивное приключилось.

А только и это еще не самое большое диво-дивное.

Живетъ отъ насъ въ ста верстахъ старый Никифоръ.

Тотъ, говорятъ, еще большее диво-дивное на своемъ вѣку видывалъ.

Поблагодарилъ Иванъ Федула за рассказъ.

И захотѣлось ему Никифора повидать и отъ него про диво-дивное услышать.

И про домъ онъ совсѣмъ позабылъ.

Простился онъ съ Федуломъ, разспросилъ про дорогу и пошелъ Никифора искать.

Шесть дней онъ шелъ, по деревнямъ ночевалъ, пока, наконецъ, до той деревни не дошелъ, въ которой Никифоръ старый жилъ.

И самъ усталъ и сапоги истрепалъ, пока до Никифора дошелъ.

Дѣдъ Никифоръ на лугу сидѣлъ и бѣлые пряники ѣлъ.

Поздоровался съ нимъ Иванъ, рассказалъ ему, что раньше слыхалъ и зачѣмъ къ нему, Никифору, пришелъ. и сталъ Никифора просить, чтобы онъ ему про диво-дивное рассказалъ.

А Никифоръ и отвѣчаетъ:

— Изволь, парень, отчего мнѣ тебѣ не рассказать.

Да и сталъ Ивану про диво-дивное рассказывать.

V.

— Молодъ я тогда еще былъ.

Помню, незадолго передъ этимъ я женился.

Ну, извѣстно, жили мы, жили, крестьянскую свою работу работали, всякія, значить, тамъ разныя дѣла справляли.

А былъ у насъ на деревнѣ мужикъ по имени Тить.

Не старъ былъ Тить, да только разумный, да смысленный былъ очень, что угодно смастерить могъ.

А могъ онъ это, сказываютъ, потому, что слово такое чудесное зналъ, съ которымъ можно сдѣлать было.

Вотъ жили мы, жили.

Разъ по веснѣ хлѣба такіе взошли, что мы нарадоваться не могли.

Что время дальше идетъ, то хлѣба лучше становятся.

Стали колосья наливаться, такъ къ землѣ колосья и гнутся.

Лѣтъ, почитай, двадцать деревня такого урожая не видала.

Только какъ подошло время жать, дожди и пошли.

Льетъ дождь дни и ночи.

Приуныли мужики.

Ждутъ день, другой, третій, пятый, думаютъ, что вотъ-вотъ дождь перестанетъ, дастъ возможность хлѣба сжать, просушить и свозить.

Такъ куда тебѣ!

Не перестаетъ дождь, хоть ты что хочешь дѣлай, да и баста, вотъ-вотъ погубить весь урожай, оставитъ насъ нищими.

Такъ затосковали мужики, что мѣста себѣ не находятъ, всѣ какъ тѣни ходять.

Вышли мужики разъ въ поле, стоятъ подъ дождемъ, вздыхаютъ.

Глядь—вдругъ идетъ Тить.

А за нимъ пошъ съ діакономъ и псаломщикомъ.

Отслужили молебенъ.

Глядимъ, Тить съ колѣнъ не встаетъ.

Потомъ всталъ, ушелъ въ деревню и сталъ оттуда рѣшетины таскать.

Глядимъ мы и дивимся.

Вкопалъ онъ въ землю рѣшетину, влѣзъ до верху и привязалъ къ концу ея другую рѣшетину.

Потомъ спустился внизъ, захватилъ съ собою третью рѣшетину, влѣзъ съ нею наверхъ и привязалъ ее къ концу второй рѣшетины.

Къ концу третьей рѣшетины привязалъ онъ четвертую, къ концу четвертой—пятую.

И до тѣхъ поръ онъ рѣшетины эти надвизывалъ, пока, наконецъ, верхняя рѣшетина въ самыя облака не уперлась.

Потомъ спустился онъ внизъ.

Принесъ изъ деревни метлу, подвѣсилъ ее къ себѣ за спину и давай вверхъ карабкаться.

Глядимъ мы, рты поразинули.

Вотъ долѣзъ Тить до облаковъ, всталъ на нихъ, дошелъ до края, да какъ начнетъ метлой направо да налево махать.

Сталъ онъ облака метлой разгонять, словно дворникъ на улицѣ грязь сметать.

Глядимъ, дыра въ облакахъ прорвалась.

Сквозь нее солнышко пробилось.

А Тить знай ходить по облакамъ, да ихъ метлой во всѣ стороны разгоняетъ.

Все больше и больше дыра въ облакахъ дѣлается.

Весь день до вечера ходилъ онъ по облакамъ и метлой своей облака разгонялъ.

А къ вечеру все небо отъ облаковъ очистилъ, только кое-гдѣ бѣлые хлопья небольшіе оставилъ.

Ну-съ, ладно.

Спустился онъ подѣ-вечеръ внизъ.

Съ той поры, какъ бывало начнутъ облака небо заволакивать, такъ сейчасъ Титъ влѣзетъ на облака и разгонитъ ихъ.

Такъ все время ведро и поддерживалъ, пока мужики хлѣбъ собрали и домой свезли.

А мужики за это міромъ его полосы собрали, высохнутъ снопамъ дали и къ нему домой хлѣбъ свезли.

И такой у насъ въ томъ году урожай былъ, какого мы давно не видали.

Самые бѣдные и тѣ оправились.

Жаль только, что Титъ вскорѣ послѣ этого Богу душу отдалъ.

Извѣстно, въ облакахъ сырость и мокрота, ну, и простудился человѣкъ.

Вотъ какое диво-дивное видѣлъ я.

Окончилъ свой рассказъ Никифоръ и говоритъ:

— Да это еще что!.. Есть у меня знакомый мужикъ Селиванъ, по прозвищу Мудрецъ. Сказываютъ люди, что ждетъ онъ со дня на день увидѣтъ при всѣхъ самое дивное диво.

Захотѣлось Ивану самое дивное диво и самому увидѣтъ.

Сталъ онъ спрашивать:

— Какъ къ тому Селивану-Мудрецу попасть и какой дорогой къ нему итти?

Разказалъ ему Никифоръ все, какъ слѣдуетъ.

Поблагодарилъ его Иванъ и пошелъ.

Отъ Никифоровой деревни Селиванъ-Мудрецъ въ двухстахъ верстахъ жилъ.

Стараго Селивана найти не трудно тутъ было.

Знали его и старъ и младъ.

VI.

Пришелъ къ Селивану-Мудрецу Иванъ.

Разказалъ ему свою исторію и сталъ просить его, чтобы тотъ ему разрѣшилъ на самое дивное диво вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть.

А Селиванъ-Мудрецъ и отвѣчаетъ:

— Вотъ, я уже и увидѣлъ только-что самое большое диво-дивное.

Обернулся Иванъ, сталъ въ разныя стороны глядѣть, — ничего особеннаго не видитъ.

И спрашиваетъ онъ Селивана:

— Гдѣ же ты видишь диво-дивное?

А Селиванъ-Мудрецъ ему и отвѣчаетъ:

— Ты самъ и есть то диво-дивное! Ну, что ты дивишь народъ? Что ты по бѣлому-свѣту шатаешься, да сказками себя тѣшишь? Мужики сейчасъ всѣ работаютъ, хлѣбъ на зиму припасаютъ, урожай собираютъ, а ты хозяйство забылъ, по свѣту бѣлому шляешься, ротъ разиня, сказки слушаешь. Вотъ ужъ такого диво-дивнаго мужика, признаюсь, я до сихъ поръ не видывалъ.

Только тутъ вспомнилъ Иванъ, что про хозяйство, съ дивами-дивными, совсѣмъ забылъ.

Покраснѣлъ онъ отъ стыда.

Поблагодарилъ онъ Селивана-Мудреца за правду, да и пошелъ скорѣе домой.

Шелъ онъ, шелъ, наконецъ, и домой пришелъ.

Весь ободрался, на нищаго сталъ похожъ.

Стала его тутъ мать ругать и бранить за то, что онъ на ея старыя плечи все хозяйство бросилъ, а самъ на три недѣли съ лишнимъ изъ дому ушелъ...

Половина зерна въ полѣ осыпалась, только половину и успѣлъ собрать.

А немного еще бы проходилъ, такъ ничего бы не собралъ.

Хорошо, что еще на посѣвъ и на зиму хватило.

Весной поздней пришлось телку продать.

Какъ ни скрывалъ Иванъ отъ мужиковъ свои похождения, да шила никакъ въ мѣшкѣ не утаишь.

Узнали про его хожденія мужики.

Долго смѣялись всѣ надъ Иваномъ, какъ онъ диво-дивное искалъ.

И прозвали мужика съ тѣхъ поръ „Иваномъ диво-дивнымъ“.

Сказка объ Иванушкѣ-дурачкѣ.

I.

Жилъ да былъ въ одномъ городѣ мужичекъ-простачекъ, по имени Пахомъ.

Пахомъ былъ мужикъ богатый, хозяйственный.

Была у него и хорошая, просторная изба и пара лошадей, корова, да еще штукъ десять овецъ.

Словомъ, Пахомъ недостатка ни въ чемъ не терпѣлъ, а между своими даже за богача слылъ.

Была у Пахома и жена.

А отъ той жены Пахомъ трехъ сыновей прижилъ.

Старшаго звали Семеномъ, средняго—Еремой, а младшаго—Иваномъ.

Семень былъ парень разбитной, на умъ хитрый, расторопный и славился на селѣ, какъ умница.

Ерема былъ ни уменъ ни глупъ, парень былъ работащій, ничѣмъ особеннымъ не отличался и какъ-то ни передъ кѣмъ не выдѣлялся.

А Ивана все почитали дуракомъ.

Иванъ былъ парень тихонькій, всехъ немного дичился, вперёдъ не выставлялся, любилъ одинъ посидѣть.

За то его дуракомъ все и считали.

Была у Пахома и земля.

На той землѣ Пахомъ рожь, гречиху и овесъ сѣялъ.

Долго ли, коротко ли жилъ Пахомъ, да только вдругъ замѣтилъ, что его овсяное поле кто-то вытаптываетъ.

Какъ утромъ ни взглянетъ на поле Пахомъ, такъ только руками всплеснетъ.

Не столько овса поѣдено, сколько перетоптано.

„Ну,—подумалъ Пахомъ,—не иначе, какъ Михайло Ивановичъ Топтыгинъ ко мнѣ каждую ночь жалуется“.

Вотъ и задумалъ Пахомъ медвѣдя извести.

Призвалъ онъ къ себѣ сыновей и сказалъ имъ:

— Сынки вы мои милые, сами видите, что повадился къ намъ кто-то по ночамъ на овсяное поле ходить и то поле топтать. Надо намъ врага этого поймать и его уничтожить. Ведите же отъ сей ночи очередь и стерегите вы мое поле овсяное.

— Ладно,—сказали сыновья.

Пришелъ вечеръ, и сыновья порѣшили такъ: первую ночь старшій сынъ стеречь будетъ, вторую—средній, а третью—младшій.

Вотъ наступилъ вечеръ.

Взялъ старшій сынъ ружье и пошелъ къ овсяному полю.

Сидѣль-сидѣль, никого нѣтъ.

Захотѣлось Семену спать.

Прикурнулъ онъ на землѣ, да и заснулъ, какъ убитый.

А когда проснулся, такъ и увидалъ, что часть поля вытоптана.

Пришелъ Семень домой и говорить отцу:

— Прости, родимый батюшка. Сторожилъ я прилежно всю ночь, но никого не видалъ. А поле вытоптана.

— И никого не видалъ?—подивился Пахомъ.

— Никого, батюшка,—отвѣтилъ Семень.—Всю ночь не смыкалъ глазъ.

Наступилъ второй вечеръ.

Взялъ средній сынъ, Еремѣй, ружье и арканъ и пошелъ къ овсяному полю.

Сидѣль-сидѣль, потомъ склонилъ голову, да и заснулъ, какъ убитый.

Ночью ничего не видалъ, а на утро поле все-таки вытоптанымъ оказалось.

Пришелъ Еремѣй домой, сталъ отцу говорить:

— Всею ночью не спалъ я, батюшка, а вора не видалъ и шума не слыхалъ. Невидимкой онъ, видно, на нашу землю является.

Наступилъ третій вечеръ.

Сталъ на-стражу Иванъ-дуракъ собираться.

А старшіе братья надъ нимъ только посмѣваются.

— И что тебѣ ходить,—говорятъ.—Ужь если мы не видали, такъ гдѣ ужъ тебѣ, дураку, увидѣть!

А Иванъ-дуракъ, знай, ухмыляется.

— Ну, и что же,—говоритъ.—Другой разъ того умному не удастся, что удастся дураку.

Только ружья Иванъ-дуракъ съ собой не взялъ.

Взялъ только краюшку хлѣба, кринку съ водой, да арканъ и пошелъ стеречь овсяное поле.

Забрался въ самый овесъ, да и сталъ ждть.

Какъ только ему спать захотѣлось, онъ краюшечку покушалъ, водицы изъ криночки попилъ, глядь, а сонъ ему и разогнало.

Сидѣлъ-сидѣлъ Иванъ-дуракъ, вдругъ слышитъ, кто-то топчетъ.

Выглянулъ Иванушка-дурачекъ изъ овса, глядитъ—бѣжитъ къ полю конекъ.

Конекъ самъ маленькій, уши здоровыя, а на спинѣ горбъ.

Сроду такихъ уродовъ Иванушка не видалъ.

Прибѣжалъ конекъ-горбунокъ къ овсяному полю и давай по немъ бѣгать.

Не столько ѣстъ овесъ, сколько топчетъ его.

Взялъ Иванушка арканъ, подкрался къ коньку-горбунку, да какъ кинетъ арканъ!

Рванулся-было конекъ-горбунокъ, да арканъ ему горло сжать.

Обрадовался Иванушка.

„Вотъ,—думаетъ,—диковинную животину поймалъ!“

Только вдругъ слышитъ, а конекъ-горбунокъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ говорить.

— Отпусти ты меня, Иванушка, сослужу я тебѣ за это службу.

Подивился Иванушка.

— А что же ты мнѣ сдѣлаешь?—спрашиваетъ.

— Да что захочешь, то и сдѣлаю,—отвѣчаетъ конекъ-горбунокъ.

Подумаль-подумаль Иванушка, да и говоритъ:

— Ну, ладно. Бѣги себѣ, куда знаешь, да только нашего поля не трогай.

А конекъ-горбунокъ ему и отвѣчаетъ:

— Какъ понадоблюсь я тебѣ, такъ выйди за околицу, да только крикни: „Конекъ-горбунокъ, встань передо мной, какъ листъ передъ травой“. Вотъ я и прискачу.

Кивнуль головой Иванушка-дурачекъ и отпустилъ на свободу конька-горбунка, а самъ домой пошелъ и спать завалился.

Обозлился Пахомъ утромъ, увидавъ, что Иванъ преспокойно дома спитъ.

Сталь онъ сына ругать.

А Иванушка и говоритъ:

— Не за что меня ругать. Нонче ночью поля никто не топталъ.

Посмотрѣль Пахомъ поле: и впрямь въ эту ночь никто его не топталъ.

А братья надъ Иванушкой, знай, подтрунивають:

— Дуракамъ всегда счастье. И сторожить не сторожилъ, и поля никто не вытопталъ.

А Иванушка про конька-горбунка никому ни слова.

II.

Вотъ какъ-то заболѣла у царя его единственная дочь.

Опечалился царь.

Созвалъ онъ въ свой дворецъ лучшихъ докторовъ, велѣлъ имъ дочь свою, Елену-Красоту, лѣчить.

Да сколько ни бились доктора, а царевнинъ недугъ никакъ извести не могли.

Что ни день, а царевнѣ все хуже.

Вотъ-вотъ, того и гляди, помретъ.

Совсѣмъ затосковалъ царь.

И велѣлъ онъ по всему царству объявить, что выдастъ свою дочь, Елену-Красоту, замужъ за того, кто ее отъ злого недуга излѣчитъ.

Полетѣли по всему царству гонцы царскіе.

— Гей вы, люди православные!—закричали они по всѣмъ городамъ.—Кто излѣчитъ изъ васъ дочь царскую? Выдастъ за того царь дочь свою. А коли помретъ отъ того лѣченія Елена-Красота, то пусть ужъ не пеняеть. Лютой смертью будетъ казненъ.

Иванушка на улицѣ сидѣлъ и подсолнушки лущилъ, когда на ихъ улицѣ вдругъ царскій гонецъ появился.

Собрался народъ.

Пошелъ послушать гонца и Иванушка.

Объявилъ гонецъ народу слова царскія.

Только никого желающихъ не нашлось.

Даже лѣкари на тотъ зовъ не отозвались, побоялись въ случаѣ неудачи казненными быть.

Одинъ Иванушка призадумался.

Вспомнилъ онъ про конька-горбунка.

Но никому онъ о своихъ думкахъ ничего не сказалъ, какъ не сказалъ и о томъ, какъ конька-горбунка поймалъ.

Глупымъ считался, а умно поступилъ.

Ш.

Думаль-думаль Иванъ, дождался вечера, вышелъ въ поле, да какъ крикнетъ:

— Гей, конекъ-горбунокъ, стань передо мной, какъ листъ передъ травой!

Только успѣлъ крикнуть, анъ, глядь, конекъ-горбунокъ уже передъ нимъ стоитъ.

— Что тебѣ,—спрашиваетъ,—Иванушка, нужно?

— Да вотъ видишь ли, конекъ-горбунокъ,—говоритъ Иванушка.—Заболѣла царская дочь, и приказалъ царь всѣмъ сказать, что за того, кто царевну вылѣчитъ, онъ свою дочь отдастъ. Не можешь ли ты мнѣ въ этомъ дѣлѣ помочь?

А конекъ-горбунокъ отвѣчаетъ:

— Почему не помочь, дѣло не трудное. Пойди къ царю и скажи ему, что берешься царевну вылѣчить, а завтра вечеромъ вызови меня, все, что надо, устроено будетъ.

Поблагодарилъ Иванушка конька-горбунка и пошелъ домой.

Подошелъ къ отцу и говоритъ:

— Ну, благослови меня, батюшка. Пойду я завтра царскую дочь лѣчить. Хочу на царской дочери жениться.

Услыхали эти слова старшіе братья, да какъ схватятся за бока, какъ начнутъ хохотать.

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ! Вѣдь, придетъ же такое тебѣ въ голову! Должно быть, голову надоѣло на плечахъ носить.

Пахомъ тоже вступился.

Хоть и считалъ онъ Ивана дуракомъ, да все-таки жалѣлъ его.

Сталъ онъ его уговаривать.

Да такъ и не уговорилъ.

— Не благословишь, такъ безъ благословенія уйду,— твердитъ Иванъ.

Нечего дѣлать.

Благословили Пахомъ сына, новый кафтанъ далъ, чтобы передъ царскія очи не стыдно было предстать.

А мать ему лепешекъ въ карманъ насовала.

Пробовали-было и братья Ивана уговаривать, да онъ и ихъ не послушалъ.

Наконецъ, братья махнули рукой:

— Нечего, молъ, дурака разуму учить! Одной дурной головой на свѣтѣ меньше будетъ, вотъ и все.

Переночевалъ Иванушка дома, утромъ приодѣлся, Богу помолился и пошелъ къ царю.

Прямо во дворецъ лѣзетъ.

Стала его стража разспрашивать, кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ.

А Иванушка и отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, пришелъ царскую дочь лѣчить. А зовутъ меня Иваномъ, по батюшкѣ Пахомычемъ.

Доложили объ Иванѣ царю.

Вышелъ царь, подивился.

— Не съ дурусти ли,—спрашиваетъ,—ты за это дѣло

берешься? Уговорь-то, чай, знаешь? Гдѣ жъ тебѣ, простому крестьянину, было такой премудрости научиться?

Поклонился въ поясъ царю Иванъ, да отвѣчаетъ:

— Не боюсь я, царь-государь, смерти. А хочу я твою дочь отъ злого недуга излѣчить. А гдѣ я, крестьянскій сынъ, той премудрости научился, такъ про то я ужъ самъ знаю.

— Ну, что же,—говорить царь.—Лѣчи.

Велѣлъ онъ Ивана въ комнатѣ помѣститъ, да кормить хорошенько.

Дождался Иванушка поздняго вечера, вышелъ въ поле, да какъ крикнетъ:

— Конекъ-горбунокъ, стань передо мною, какъ листъ передъ травой!

Глядь, а конекъ-горбунокъ уже передъ нимъ стоитъ и головой весело поматываетъ.

— Ну,—говорить,—Иванушка, вотъ поскреби ты мое копыто. А что наскребешь, въ тряпочку положи, съ масломъ смѣшай, да той мазью царевнѣ виски натри.

Сдѣлалъ Иванушка, какъ приказывалъ ему конекъ-горбунокъ.

Поскребъ онъ его копыто и отпустилъ на волю.

Пришелъ Иванушка во дворецъ, приказалъ себѣ маслица подать, сдѣлалъ мазь и объявилъ, что хочетъ царевну видѣть.

Пришелъ царь и повелъ его самъ къ дочери.

Какъ увидѣлъ Иванушка царевну, такъ только ахнулъ. Ужъ такая-то царевна красавица была, что подобной ей во всемъ царствѣ не было.

Была царевна безъ чувства, даже отца не узнала.

Взялъ Иванушка свою мазь, помазалъ царевнѣ виски.

И только-что успѣлъ помазать, какъ тотчасъ же злой недугъ красавицу оставилъ.

Открыла она свои ясныя очи, улыбнулась отцу и встала съ кровати такая здоровая, словно никогда ее хворь не брала.

Обрадовался царь.

Глядитъ на дочь и глазамъ своимъ не вѣритъ.

Сталь онъ царевну ласкать и миловать, сталь ей разсказывать, какъ она болѣла, какъ доктора ее спасти не могли и какъ ее крестьянскій сынъ Иванушка спасъ.

Повеселѣла царевна, стала пѣть и танцовать, да вдругъ и затуманилась.

А затуманилась она тогда, когда отецъ ей разсказаль, какой цѣной ея выздоровленіе куплено.

Закручинилась царевна.

Вызвала она отца въ другую горницу и говорить:

— Что же это ты, батюшка, сдѣлаль, меня, царевну, за простого мужика отдаешь?

И царь ей и говорить:

— Что же, дочка, подѣлаешь? Жизнь твоя-то мнѣ дороже.

А дочка ему и говорить:

— Оставь ты меня, батюшка, съ Иванушкой. Я сама съ нимъ и сдѣлаюсь.

Послушался царь царевны.

„А что же, — думаетъ.—И впрямь не гоже царскую дочь за мужика простого отдавать“.

А въ то же время нельзя и царскаго слова не исполнить.

Оставиль онъ Иванушку съ царевной, а самъ и ушелъ.

Остался Иванушка съ царевной.

Вотъ царевна и говоритъ Иванушкѣ:

— Слушай ты меня, Иванушка! Сказаль мой отецъ, царь-государь, что выдасть меня за того, кто меня отъ злого недуга избавить. Да только, вѣдь, у меня своя воля есть.

— Извѣстно,—говорить Иванушка.

— Ну, вотъ, рада, что ты согласился. Такъ вотъ тебѣ и мой сказъ. исполнишь ты три моихъ желанія, такъ я твоей женой буду, а не исполнишь—не взыщи.

Задумался Иванушка.

— Ну, ладно,—говорить.—Говори свое первое желаніе.

Вотъ и заговорила царевна:

— Достань мнѣ, Иванушка, ту самую птицу, которая

жарь-птицей называется. А птица та хранится за сорока рѣками, за сорока царствами, за восьмидесятью замками, у славнаго царя Кардана, что непобѣдимымъ считается.

Опѣшилъ Иванушка.

Шутка ли сказать, такое дѣло сдѣлать.

Вышелъ онъ отъ царевны, призадумался.

Дождался онъ вечера, вышелъ въ чистое поле, да какъ крикнетъ:

— Конекъ-горбунокъ, встань передо мной, какъ листъ передъ травой!

И въ ту же секунду конекъ-горбунокъ передъ нимъ появился.

— Что тебѣ, Иванушка, нужно?

Заплакалъ Иванушка.

— Эхъ, конекъ-горбунокъ,—говорить.—И зачѣмъ только я царевну увидѣлъ! Вѣдь, вотъ она какую задачу мнѣ задала. А я царства этого не знаю.

А конекъ-горбунокъ и отвѣчаетъ:

— Эхъ, нашелъ о чемъ кручиниться, Иванъ! Скажи ей, что жарь-птица у нея черезъ три дня будетъ. А самъ приходи сюда сейчасъ.

Пошелъ Иванушка-дурачекъ къ царевнѣ, да и говоритъ:

— Ну, царевна прекрасная, будетъ у тебя жарь-птица черезъ три дня.

Улыбнулась царевна.

„Ну,—думаетъ,—поѣдетъ, а тамъ, глядишь, и не пріѣдетъ“.

Простился Иванушка съ царемъ и царевной, надѣлъ шапку и вышелъ въ поле, гдѣ его конекъ-горбунокъ уже давно ждалъ.

— Ну,—говорить конекъ-горбунокъ,—слушай меня хорошо, Иванушка. Какъ пріѣдешь ты ко дворцу царя Кардана, такъ войди въ него тихонечко. Во дворцѣ о ту пору всѣ спать будутъ. Войдешь ты во дворъ, войдешь въ горницу. А въ той горницѣ ни лампъ ни свѣчей нѣту, а свѣтло, словно днемъ. А свѣтло потому, что сидитъ тамъ въ клѣткѣ жарь-птица, у которой каждое перышко, словно

лучъ солнца, свѣтится. Возьми ты эту жарь-птицу, да только клѣтки не бери. А теперь, пока-что, садись мнѣ на спину, да впередъ не смотри.

Сѣлъ Иванушка на конька-горбунка, задомъ напередъ, ухватился ему за хвостъ.

Взвился конекъ на воздухъ.

Полетѣли они черезъ лѣса дремучіе, черезъ поля широкія, перелетѣли черезъ сорокъ рѣкъ широкихъ и очутились въ царствѣ царя Кардана.

Ночь была, когда Иванушка до дворца доѣхалъ.

Посмотрѣлъ, а стража вся спитъ.

Конекъ-горбунокъ прямо черезъ ограду перелетѣлъ и около двери всталъ.

Отворилъ Иванушка дверь, да чуть не ослѣпъ.

Такой свѣтъ въ комнатѣ, словно тамъ три солнца ходитъ.

А это не три солнца, а всего одна жарь-птица сидитъ и вся она сіяніемъ свѣтится, какъ жарь горитъ.

Открылъ Иванъ дверцу, вынулъ жарь-птицу, да вдругъ и остановился.

Видитъ — клѣтка вся изъ золота, драгоцѣнными камнями усыпана.

Жаль стало Иванушкѣ клѣтки.

Посадилъ онъ жарь-птицу обратно въ клѣтку, хотѣлъ ее поднять.

И вдругъ, какъ зазвонятъ колокола, какъ зазвонятъ струны.

Весь дворецъ на ноги поднялся.

А зазвонили колокола и зазвенѣли струны потому, что отъ клѣтки къ колоколамъ нити были протянуты и посредствомъ тѣхъ нитей вся тревога поднялась.

Испугался Иванушка, бросился къ выходу.

Едва успѣлъ на конька-горбунка вскочить, чуть отъ сабель стражи не погибъ.

Взвился конекъ-горбунокъ подъ самое небо, за облака бѣлыя.

Только головой покачалъ конекъ-горбунокъ.

— Эхъ,—говоритъ,—Иванушка! Не послушалъ ты меня.

Придется теперь еще сутки переждать. А если ты и теперь за клетку возьмешься, такъ не видать тебѣ ни жарь-птицы ни царевны.

Только теперь Иванушка понялъ, какую глупость онъ сдѣлалъ. Переждали они день весь въ лѣсу темномъ, а ночью снова во дворецъ его конекъ-горбунокъ принесъ.

На этотъ разъ Иванушка умнѣ поступилъ.

Вошелъ онъ въ ту комнату, въ которой жарь-птица сидѣла, взялъ ее изъ клетки, до клетки рукой не дотронулся, а самую птицу въ мѣшокъ сунулъ и во дворъ вышелъ.

Сѣлъ онъ на конька-горбунка, взвился на воздухъ.

И двухъ дней не прошло, какъ онъ назадъ во дворецъ царя Дарана прилетѣлъ.

Ночь была.

А какъ пріѣхалъ Иванушка во дворецъ, да вынулъ изъ мѣшка жарь-птицу, такъ вся стража наружу высыпала, думала, что пожаръ горитъ.

Даже самъ царь съ царевной сперепугу изъ дворца выскочили.

А Иванушка подошелъ къ царевнѣ, да и подаетъ ей жарь-птицу.

— Вотъ,—говоритъ,—царевна прекрасная, то, что вы просили.

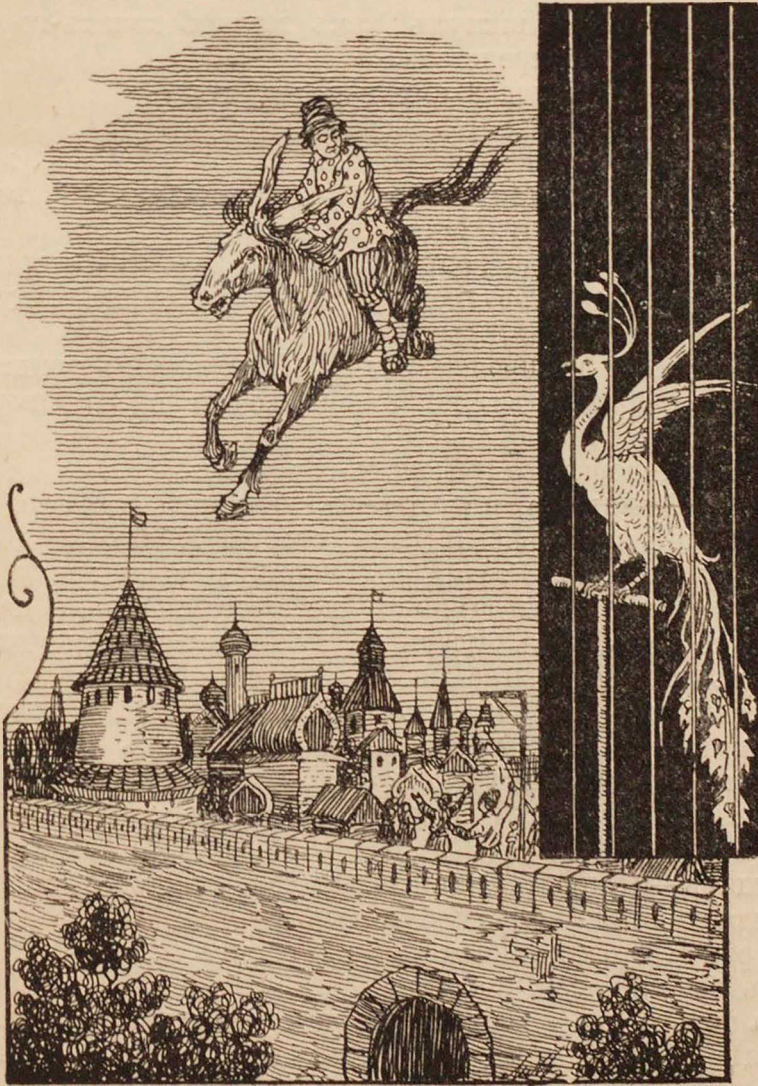
Затуманилась царевна прекрасная, видитъ, что ея дѣло не выходитъ. „Ну,—думаетъ,—авось моего второго желанія не исполнить“.

— Хорошо,—говоритъ.—Первое ты мое желаніе исполнилъ, а теперь второе мое желаніе исполни. Есть тутъ за тридевять земель царство славнаго царя Радѣя. И есть у того царя Радѣя конь, а у того коня бѣлоснѣжнаго—золотая грива. И знаменитъ этотъ конь тѣмъ, что можетъ онъ любую рѣку переплыть, любой оврагъ перескочить, черезъ любую гору перепрыгнуть.

Подумалъ Иванъ, да и говоритъ:

— Ну, ладно, царевна прекрасная. Такъ и быть, можетъ быть, и вторую просьбу твою удастся исполнить.

А царь и царедворцы только на Иванушку поглядываютъ, да диву дивуются.

Мужицкій сынъ, а царевну лучше всѣхъ докторовъ
вылѣчилъ, жарь-птицу отъ непобѣдимаго царя досталъ.

Вышелъ Иванушка изъ дворца, дождался вечера темнаго, вышелъ въ поле чистое и кликнулъ своего конька-горбунка.

И лишь только кликнулъ, какъ тотчасъ конекъ-горбунокъ передъ нимъ предсталъ.

Разказалъ Иванушка ему про свое горе.

А конекъ-горбунокъ и говоритъ ему:

— Эхъ, Иванушка, не печалься. Сослужу я тебѣ службу вѣрную, достану тебѣ и златогриваго коня, какъ досталъ и жаръ-птицу. Садись на меня.

Сѣлъ Иванушка на конька-горбунка задомъ напередъ, и помчался конекъ-горбунокъ пуще вѣтра буйнаго, пуще стрѣлы каленой.

И полсутокъ не прошло, какъ Иванушка въ тридесатое царство примчался и темной ночью около дворца царя Радѣя очутился.

Вотъ и говоритъ ему конекъ-горбунокъ:

— Ну, Иванушка, иди ты въ конюшню царскую. Въ той конюшнѣ златогривый конь стоитъ. А того коня ты по блеску узнаешь. Возьми ты этого коня за гриву, да только недоуздка драгоцѣннаго не трогай. А какъ недоуздокъ тронешь, такъ будетъ съ тобою такая же неудача, какая съ жаръ-птицей была.

Соскочилъ Иванушка съ конька-горбунка, видитъ—около конюшни все конюха сномъ повальнымъ спать.

Взялъ онъ отвязалъ у старшаго конюха съ пояса золотой ключъ, отперъ конюшню съ золотымъ замкомъ и вошелъ въ нее.

Видитъ—и впрямь златогривый конь въ стойлѣ стоитъ, такъ грива въ темнотѣ и блеститъ.

А рядомъ драгоцѣнная уздечка виситъ, на конѣ недоуздокъ брилліантами сверкаетъ.

Да только не прельстился на этотъ разъ Иванушка драгоцѣннымъ недоуздкокомъ, послушалъ совѣта конька-горбунка.

Отвязалъ онъ коня златогриваго отъ яслей, надѣлъ на него простой оборотъ, вывелъ во дворъ.

А слуги все спать.

А конекъ-горбунокъ и говорить:

— Ну, Иванушка, садись ты на златогриваго коня, скажи ко дворцу царя, скажи, что добылъ ты добычу славную, а меня, когда нужно, позовешь.

Поблагодарилъ Иванушка конька-горбунка, сѣлъ на коня златогриваго.

И только ударилъ коня по крутымъ бедрамъ, какъ взвился конь на дыбы и поскакалъ такъ, что только пыль понеслась.

Не успѣлъ Иванушка очнуться, какъ уже передъ дворцемъ царя своего очнулся.

Какъ услыхалъ царь топотъ конскій, да топотъ богатырскій, такъ и вскочилъ съ постели.

Даже и царевна съ постели вскочила.

Выскочили все на улицу, глядь, а Иванушка на златогривомъ конѣ скачетъ.

Изъ ноздрей коня дымъ валить, изо рта огонь пышетъ.

Только руками развели царь и придворные.

А Иванъ-царевичъ въ поясъ царевнѣ поклонился и коня златогриваго ей въ подарокъ преподнесъ.

— Извольте, царевна,—говорить.

Призадумалась царевна.

Видитъ ужъ, что Иванъ-дуракъ все самыя трудныя порученія выполнилъ.

Да и сказала она по чистой совѣсти:

— Пошла бы я за тебя замужъ, Иванушка, да только не пригожъ ты. Вотъ если бы ты смогъ пригожимъ стать. Вотъ тогда я бы за тебя пошла.

Понурилъ голову Иванушка.

Ну, что тутъ дѣлать?

Попросилъ онъ царевну сутки сроку ему дать, а какъ пришла ночь, свистнулъ своего конька-горбунка.

Прибѣжалъ конекъ-горбунокъ и спрашиваетъ:

— О чемъ, Иванушка, снова тужишь?

А Иванушка и отвѣчаетъ:

— Какъ же мнѣ не тужить? Ну, дѣло другое—достать что-нибудь! А, вѣдь, моя-то невѣста хочетъ, чтобы я пригожимъ сталъ.

— Ахъ, вишь, оно что, — засмѣялся конекъ-горбунокъ.
А Иванъ знай плачетъ.

— Плакалъ, я плакалъ, — говоритъ. — Да что тутъ по-дѣлаешь? Достать что-нибудь ты, конечно, можешь. А красивымъ развѣ можно человѣка сдѣлать? Ужъ какимъ родился, такимъ и будетъ человѣкъ.

Выслушалъ Иванушку конекъ-горбунокъ, да и отвѣчаетъ:

— Не тужи, Иванушка. Можетъ быть, я и теперь твоему горю помогу. Иди-ка ты къ рѣкѣ, сними съ себя все платье, вымойся хорошенько и ко мнѣ приходи.

Послушался Иванушка конька-горбунка.

Пошелъ онъ къ рѣкѣ, раздѣлся, вымылся и къ коньку-горбунку назадъ пришелъ.

А конекъ-горбунокъ говоритъ ему:

— Ну, Иванушка, полѣзай ко мнѣ въ правое ухо, а изъ лѣваго вылѣзай.

Влѣзъ Иванушка-дурачекъ коньку-горбунку въ правое ухо, вылѣзъ въ лѣвое, да какъ взглянулъ на себя, такъ только ахнулъ.

Глядитъ на себя — глазамъ не вѣрить.

На плечахъ шелковый, шитый золотомъ кафтанъ, на головѣ шапка соболя съ алымъ верхомъ, на ногахъ сапожки сафьяновыя.

Сунулъ Иванушка руку въ карманъ — монисто драгоценное нашель.

А конекъ-горбунокъ ему и говоритъ:

— Ну, вотъ теперь ступай во дворецъ, царевнѣ монисто подари и себя покажи.

Пошелъ Иванъ во дворецъ, приказалъ о себѣ царевнѣ доложить.

Вышла къ нему царевна, да какъ взглянула на него, такъ сразу и влюбилась.

Понравился Иванъ и царю.

Устроилъ онъ тутъ на радости пиръ и свадьбу.

Велѣлъ онъ на тотъ пиръ веѣхъ знатныхъ людей звать.

А Иванушка приказалъ своихъ родителей и братьевъ позвать, послалъ имъ дорогія платя.

А Пахомъ и его старшіе сыновья ничего не подозрѣвали.

Удивились они, получивъ платя, явились во дворецъ.

Да какъ увидѣли Ивана, такъ даже растерялись.

Разказалъ тутъ самъ Иванушка, какъ все случилось, пригласилъ съ собой во дворецъ жить.

Отпраздновалъ царь свадьбу по-царски, попиrowали три дня.

Потомъ гости по домамъ разѣхались, только Пахомъ съ женой и со старшими сыновьями во дворецъ жить остались.

И стали всѣ съ этого времени во дворецъ жить да поживать, да добра наживать.

И конекъ-горбунокъ сталъ съ ними жить, а Иванъ ему каждое утро самъ пшеницы-бѣлоярой засыпать.

А когда старый царь умеръ, царствомъ Иванъ управлять сталъ, а братьевъ своихъ министрами сдѣлалъ.

И были всѣ его управленіемъ очень довольны и слава о немъ по всѣмъ царствамъ разлетѣлась.

Иванъ-Сирота.

Жилъ-былъ одинъ старикъ.

А у этого старика былъ сынъ, по имени Иванъ.

Была у старика хата, курочка, утка, пѣтухъ да куль муки.

Вотъ почувствовалъ однажды старикъ, что приходитъ ему конецъ, призвалъ къ себѣ сына и говорить:

— Ну, Иванъ, пожилъ я довольно, пора моимъ старымъ костямъ и на покой. Оставляю я тебѣ курочку, утку, пѣтуха да куль муки. Живи тихо и смирно, не дѣлай никому худого, авось, Господь сироту не оставитъ.

Сказалъ это старикъ, благословилъ сына и умеръ.

Долго горевалъ Иванъ, да ничѣмъ нельзя было помочь горю.

Похоронилъ онъ отца и сталъ жить одинъ въ своей избушкѣ.

Вотъ пришелъ разъ Иванъ съ работы, только-было хотѣлъ корку хлѣба поѣсть, глядь—къ избѣ ветхій старичокъ подходитъ.

Подошелъ старичокъ къ окну, увидалъ Ивана и говорить:

— Божій человекъ, накорми меня, старика. Цѣлый день маковой росинки во рту не было.

А Иванъ и отвѣчаетъ:

— Заходи, дѣдушка, въ избу.

Зашелъ ветхій старичокъ въ избу, помолился на образа и сѣлъ на лавку.

А Иванъ принесъ дровъ, затопилъ печь, зарѣзалъ курочку, зажарилъ ее и подалъ гостю.

Сѣлъ ветхій старичокъ курочку, поблагодарилъ и говорить:

— Спасибо тебѣ, Иванъ-Сирота. У самого у тебя мало было, а меня, старика, пожалѣлъ. Отблагодарю и я тебя. Слушай же меня хорошенько. Какъ пойдешь ты черезъ пять дней въ поле, увидишь на дорогѣ камешекъ пестренькій. Возьми этотъ камешекъ и спрячь въ карманъ. Не простой это будетъ камешекъ. Какъ переложить ты его за пазуху, такъ станешь ты птичій языкъ понимать.

Сказалъ это ветхій старичокъ и ушелъ.

А Иванъ за работу принялся.

Вотъ пошелъ онъ на слѣдующій день на работу, наработался въ волю и вернулся домой.

Глядь, а къ его избѣ еще болѣе ветхій старичокъ идетъ.

Подошелъ старецъ къ окну и говорить:

— Не покормишь ли меня, добрый молодецъ? Вотъ ужъ двое сутокъ, какъ я ничего не ѣлъ.

Жаль стало Ивану старца.

Позвалъ онъ его въ избу, принесъ дровъ, затопилъ печь, зарѣзалъ уточку, изжарилъ ее и подалъ ветхому старику.

Сѣлъ старикъ уточку и говорить:

— Ну, спасибо тебѣ, добрый молодецъ. Самъ бѣденъ, а для меня уточки не пожалѣлъ. Отблагодарю и я тебя за это. Слушай меня хорошенько: какъ будешь ты черезъ четыре дня возвращаться съ поля домой, увидишь ты большого щенка. Возьми къ себѣ. Не простой то будетъ щенокъ, а дивный, будетъ онъ рѣчь твою понимать и человѣческимъ голосомъ говорить.

Сказалъ это ветхій старичокъ и ушелъ.

Пошелъ на третій день работать въ поле Иванъ.

Наработался въ волю, пришелъ домой, взялъ-было кра-

юшку хлѣба и хотѣлъ за ѣду приняться, глядь, — а къ окну старикъ идетъ.

Старый-престарый, борода сѣдая до земли, еле ноги передвигаетъ, на палку опирается.

Подошелъ третій старецъ къ окну и говоритъ:

— Здравствуй, Иванъ-Сирота. Покорми меня, старца. Три дня ничего я не ѣлъ, совсѣмъ съ голоду умираю.

Жаль стало Ивану старца, онъ и говоритъ ему:

— Заходи, дѣдушка, въ избу, авось, голоднаго не отпущу.

А самъ затопилъ печь, зарѣзалъ пѣтушка, изжарилъ его и подалъ старцу.

Сѣлъ старецъ пѣтушка и говоритъ:

— Спасибо тебѣ, Иванъ-Сирота. Не пожалѣлъ ты для меня послѣдняго пѣтушка, отблагодарю и я тебя.

Вынулъ тутъ старецъ изъ кармана золотой перстенецъ, подалъ его Ивану-Сиротѣ и говоритъ:

— Коли будешь ты въ бѣдѣ, надѣнь этотъ перстенецъ на палецъ, онъ тебѣ въ бѣдѣ поможетъ.

Сказалъ это старецъ, помолился на образа, поблагодарилъ еще разъ Ивана-Сироту и ушелъ.

Вотъ прошло пять дней съ той поры, какъ къ Ивану первый старецъ приходилъ.

Всталъ утромъ Иванъ, попилъ водички, поѣлъ хлѣбца и пошелъ въ поле.

Вышелъ на дорогу, глядитъ, — камешекъ рябенькій лежитъ.

Поднялъ его Иванъ-Сирота, положилъ въ карманъ и пошелъ дальше.

Поработалъ онъ въ полѣ, сколько было нужно и отправился домой.

Глядь,—сидитъ въ травѣ больной щенокъ, да такъ жалобно повизгиваетъ.

Поднялъ Иванъ щенка, взялъ его на руки и принесъ домой.

Только посадилъ-было его дома на лавку, а щенокъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ:

— Ну, Иванъ, взялъ ты меня, больного щенка, сумѣй и выкормить. Дай мнѣ барана.

— Далъ бы я тебѣ барана, да нѣтъ у меня его и денегъ нѣтъ. У самага только три пригоршни муки,—отвѣчаетъ Иванъ.

А щенокъ и говоритъ:

— Продай соху и борону, а на тѣ деньги мнѣ барана купи. Наберусь я силы—тебѣ же службу сослужу.

Послушался Иванъ-Сирота.

Продалъ онъ соху и борону, купилъ барана, закололъ и далъ щенку.

А самъ себѣ изъ горсти муки лепешку испекъ.

Съѣлъ щенокъ барана, сталъ вдвое больше, легъ подъ лавку и до слѣдующаго дня проспалъ.

Наступилъ слѣдующій день, щенокъ и говоритъ Ивану:

— Чувствую я, хозяинъ, что силы у меня прибавилось. Давай мнѣ сегодня пять барановъ.

— Да гдѣ же я ихъ возьму? — спрашиваетъ Иванъ-Сирота.

А щенокъ и отвѣчаетъ:

— Продай лошадь. А ужъ я тебѣ услужу.

Послушалъ Иванъ щенка, продалъ лошадь, купилъ пятиерыхъ барановъ, зарѣзалъ ихъ и отдалъ щенку.

Съѣлъ ихъ щенокъ, сталъ здоровымъ псомъ, легъ подъ лавку и проспалъ до утра.

Проснулся песь утромъ и говоритъ Ивану:

— Ну, хозяинъ, прокормилъ ты меня два дня, прокорми меня и сегодня. Чувствую я голодь великій, чувствую, что наберусь я силы сегодня окончательно. Достань-ка мнѣ десять барановъ.

Призадумался Иванъ.

А песь ему снова говоритъ:

— Продай избу, не пожалѣешь. Отплачу я тебѣ хорошо за твою заботу.

Послушалъ своего пса Иванъ.

Продалъ онъ избу, купилъ десять барановъ, зарѣзалъ ихъ и далъ псу.

А самъ изъ послѣдней горсти муки лепешку себѣ испекъ и ею закусилъ.

Сѣлъ песъ вѣхъ десятерыхъ барановъ и превратился въ могучаго пса, въ такого здороваго, что даже подъ лавкой ему мѣста нехватало.

Легъ онъ посреди избы и заснулъ.

А Иванъ-Сирота тѣмъ временемъ шапку надѣлъ, да и пошелъ въ лѣсъ погулять.

Пришелъ онъ въ лѣсъ, сѣлъ подъ деревомъ и сидитъ.

Вдругъ видитъ,—прилетѣли на дерево два щегла.

Сѣли на вѣточку и стали другъ съ другомъ разговаривать.

Вотъ и слышитъ Иванъ, какъ одинъ изъ щегловъ говорить:

— Ну, братецъ, полеталъ я сегодня по бѣлому свѣту. Леталъ я въ восьмое отсюда царство и видѣлъ я диводивное. Въ большомъ лѣсу видѣлъ я поляну, а посреди той поляны чугунная плита лежитъ и къ той плитѣ кольцо приковано. Только вылетѣлъ я на ту поляну, глядь, а плита приподнялась и изъ нея духъ вышелъ. Вышелъ тотъ духъ и говоритъ:— „Ну, еще ни одинъ простой человѣкъ мною повелѣвать не научился. А то бы тотъ человѣкъ моимъ господиномъ сталъ и я для него все бы дѣлать долженъ былъ, а богатство трехъ колдуній къ нему бы перешло“.

А другой щегленокъ и говоритъ:

— Экую, братъ, новость сказать, я уже давно эту поляну и духа видѣлъ. И знаю, какое слово человѣкъ ему сказать долженъ, чтобы его покорить. Да только, чтобы это слово силу имѣло, надо разрѣшеніе отъ трехъ старухъ получить, что въ дремучемъ лѣсу, въ седьмомъ царствѣ отсюда, живутъ.

Первый щеголь и спрашиваетъ:

— А какія это слова?

— Да вотъ, стоитъ только, послѣ разрѣшенія трехъ старухъ, сказать:— „духъ, появись!“—все будетъ готово,— отвѣтилъ другой щеголь.

Поговорили еще птички и улетѣли.

А Иванъ-Сирота тѣ слова ихъ запомнилъ.

Посидѣлъ онъ подѣ деревомъ еще нѣкоторое время и пошелъ домой.

Пришелъ, раздѣлся, легъ въ постель, а самъ думаетъ:
„Что же это вышло? То у меня и изба, и лошадь, и борона, и соха была, а теперь я понимаю птичій языкъ, есть у меня песь богатырскій и перстенекъ, а ѣсть нечего и ни кола, ни двора не осталось“.

Заснулъ Иванъ-Сирота печальный-препечальный.

Проснулся на слѣдующій день Иванъ-Сирота, а песь богатырскій около его кровати сидитъ и на него глядитъ.

И говоритъ песь Ивану:

— Что вчера подѣлывалъ, хозяинъ?

Разказалъ тутъ Иванъ-Сирота, какъ ходилъ онъ гулять и что слышалъ отъ птичекъ, разказалъ про думы свои невеселыя.

А песь богатырскій и отвѣчаетъ ему:

— Не тужи, хозяинъ. Сумѣлъ ты меня три дня прокормить, не пожалѣлъ своего добра, а теперь и я тебѣ службу сослужу. Садись верхомъ на меня, пойдемъ тѣхъ трехъ старухъ искать.

Сѣлъ Иванъ-Сирота верхомъ на пса, и понесся песь богатырскій по полямъ и лѣсамъ, шибче ласточки быстро-летней.

Долго ли, коротко ли бѣжалъ песь быстроногій, а только прибѣжалъ онъ, наконецъ, въ седьмое царство.

Перебѣжалъ песь черезъ огромное поле, перепрыгнулъ черезъ рѣку, побѣжалъ лѣсомъ.

Глядитъ Иванъ-Сирота—избушка стоитъ.

Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, къ нему задомъ, а передомъ къ такой чащѣ, сквозь которую и продраться силкомъ нельзя.

Иванъ и говоритъ:

— Избушка, избушка, повернись ко мнѣ передомъ, а къ чащѣ задомъ.

Избушка и повернулася.

Слѣзъ на землю Иванъ-Сирота и только-было хотѣлъ въ избушку войти, а песь ему и говоритъ:

— Будеть тебя, хозяинъ, старуха потчевать. Все ѣшь и пей, только яблока нипочемъ не ѣшь.

Вошелъ Иванъ-Сирота въ избушку, а тамъ на скамейкѣ сѣдая старушка сидитъ.

Увидала старушка Ивана и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ, Иванушка, сюда пожаловалъ?

Разказалъ тутъ Иванъ-Сирота, какъ онъ разговоръ птичекъ подслушалъ, и сталъ старуху просить, чтобы та ему разрѣшеніе дала.

Старуха выслушала и говоритъ:

— Вотъ, отвѣдай сперва моего хлѣба-соли, а тамъ и разрѣшеніе тебѣ дамъ.

Накрыла тутъ старуха на столъ, вынула изъ печки разныя блюда и стала Ивана-Сироту разными вкусными кушаньями подчевать.

Потомъ достала съ полки красное яблочко и говоритъ:

— Закуси теперь сладкимъ яблочкомъ.

Только сколько ни упрашивала она Ивана то яблочко скушать, тотъ даже въ руки не захотѣлъ его взять.

Побилась - побилась старуха, видитъ, ничего съ Ивановъ не подѣлаешь, и говоритъ ему:

— Ну, Иванъ-Сирота, выдержалъ ты искушеніе, получи же и мое разрѣшеніе.

Отрѣзала она тутъ прядку своихъ волосъ и говоритъ снова:

— Возьми ты эту прядку, поѣзжай къ моей сестрѣ, отдай ей эту прядку и разкажи ей, какъ ты у меня погостилъ.

Взялъ Иванъ-Сирота прядку волосъ, поблагодарилъ старуху, вышелъ изъ избушки, вскочилъ на пса богатырскаго и поѣхалъ дальше.

Долго ли, коротко ли ѣхали они, а только пріѣхали они на большую поляну.

Глядитъ Иванъ, а посреди поляны на одномъ столбѣ стоитъ избушка, да такъ шибко кружится, что вѣтеръ отъ нея идетъ.

Подѣхалъ Иванъ къ избушкѣ, слѣзъ на землю и говоритъ:

— Избушка, избушка, не вертись, а лучше остановись. Избушка остановилась.

Хотѣлъ-было Иванъ-Сирота въ нее войти, а песъ ему и говорить:

— Будеть тебя, хозяинъ, старуха подчевать, а потомъ спать на скамейкѣ укладывать. Ъшь и пей все и спать ложись. Только какъ погасить старуха огонь, ты осторожно пошарь подъ лавкой. Будеть у ней подъ той лавкой овца лежать. Возьми ты ту овцу и на свое мѣсто положи, а самъ подъ лавкой засни.

Вошелъ Иванъ-Сирота въ избушку, видитъ—за пряжей старуха сидитъ, еще старше, чѣмъ первая.

Увидала она Ивана и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ, Иванъ, ко мнѣ пожаловаль?

Разсказаль тутъ ей Иванъ, какъ онъ птичій разговоръ подслушаль, какъ у ея младшей сестры побываль, и подаль ей клокъ волосъ, который ему ея младшая сестра дала.

— Узнаю сестрины волосы, — сказала старуха.—Ну, милости просимъ. Отвѣдай моего хлѣба-соли, отдохни съ дороги хорошенько, а завтра и я тебѣ разрѣшеніе дамъ.

Накрыла тутъ вторая старуха столъ чистой скатертью, устала ея весь разными вкусными кушаньями, наставила квасовъ да медовъ и стала Ивана-сироту подчевать.

А Иванъ ѣсть, да похваливаетъ, пьетъ, да облизывается.

Глядь, и вечеръ наступилъ.

Наѣлся, напился Иванъ, а старуха ему и говорить:

— Ну, а теперъ спать вотъ сюда, на скамейку, ложись. Посни хорошенько съ дороги.

Легъ Иванъ на лавкѣ, а старуха загасила лучину и легла на кровати.

Нащупаль Иванъ подъ лавкой овцу, взялъ ея осторожно, положилъ на свое мѣсто, а самъ подъ лавкой легъ и заснулъ.

Услыхала старуха храпъ, поняла, что Иванъ заснулъ, слѣзла тихонько съ кровати, нашла ощупью острый топоръ,

подкралась къ тому мѣсту, гдѣ Ивана положила, нащупала овцу и думаетъ:

„Это голова Ивана“.

Размахнулась топоромъ она, да какъ ударить имъ по овцѣ, такъ голова овечья на полъ и покатилась.

Бросила старуха на полъ топоръ, сама легла на постель и думаетъ:

„Нѣтъ ужъ, любезный, теперь не овладѣешь духомъ подземелья“.

Утромъ проснулся чуть-свѣтъ Иванъ-Сирота, увидѣлъ топоръ и овцу, топоръ спрятали, а овцу и голову ея вынесъ изъ избы и закопалъ, полъ и лавку подмылъ, а самъ на лавкѣ легъ.

Проснулась старуха, да только ахнула.

А Иванъ-Сирота ей и говоритъ:

— Что смотришь, старуха? Думаешь, что если ты мнѣ голову отрубила, такъ я и мертвый. Да развѣ не знаешь, что у меня такая голова, что сколько ее ни руби, она снова на свое мѣсто пристанетъ. Коли первый разъ ее отрубить кто, то голова моя только на мѣсто станеть, а коли кто ее во второй разъ отрубить, такъ голова сначала все кругомъ спалить, а потомъ на мѣсто станеть.

Испугалась старуха, не рѣшилась во второй разъ пробовать Ивану голову рубить и говоритъ:

— Ну, добрый молодець, возьми и мое разрѣшеніе. Вотъ тебѣ перышко рябенькое; приѣдешь къ нашей старшей сестрѣ, покажи ей это перышко, да разскажи ей, какъ у меня побывалъ.

А сама думаетъ:

„Ну, отъ старшей-то сестры ты не вывернешься!“

Поблагодарилъ Иванъ-Сирота вторую старуху, сѣлъ на пса богатырскаго и поѣхалъ дальше.

Ѣхалъ Иванъ, Ѣхалъ, да и приѣхалъ на опушку лѣса.

Смотритъ, а на той опушкѣ изба стоитъ, вокругъ избы заборъ высокій, а къ забору шести придѣланы, а на тѣхъ шести черепчковые насажены.

Испугался Иванъ-Сирота.

А песь ему и говоритъ:

— Не бойся, хозяинъ. Ёшь и пей смѣло, только не бери съ собой ничего отъ нея въ дорогу.

Вошелъ въ избу Иванъ-Сирота.

И ворота и двери передъ нимъ сами открылись,

Увидала Ивана третья старуха и говорить:

— Здравствуй, Иванъ-Сирота. Зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?

Разказалъ и ей Иванъ, какъ подслушалъ птичій разговоръ, какъ побывалъ у двухъ ея младшихъ сестеръ, и подаль ей перышко рябенъкое.

Посмотрѣла старуха на перышко и говорить:

— Да, это перышко курочки моей средней сестры. Ну, милости просимъ. Закуси, чѣмъ Богъ послалъ, а потомъ я тебѣ и разрѣшеніе дамъ.

А сама старуха и думаетъ:

„Разрѣшеніе-то я тебѣ дамъ, да доѣдешь ли съ нимъ, молодець, до мѣста“.

Накрыла старуха на столъ, наставила на него разныя кушанья, наставила медовъ сладкихъ и стала Ивана подчивать.

Наѣлся, напился Иванъ, а старуха ему и говорить:

— Ну, получи, Иванушка, и мое разрѣшеніе. Поѣзжай въ путь-дороженьку. Возьми съ собою этотъ перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ. Безъ него не подойти тебѣ къ плитѣ. Какъ подъѣдешь ты къ плитѣ на сто верстъ, надѣнь этотъ перстень на палецъ и тогда смѣло поѣзжай. А откуда сто верстъ до плиты останется, ты узнаешь по двумъ обгорѣлымъ липамъ, которыя рядомъ стоятъ.

Забылъ Иванъ-Сирота про слова своего пса и помчался дальше.

Долго ли, коротко ли, приѣхалъ Иванъ-Сирота въ восьмое царство и доѣхалъ до двухъ обгорѣлыхъ липъ, что рядомъ стояли.

Вынулъ Иванъ изъ кармана старухинъ перстень, надѣлъ на палецъ.

И только успѣлъ онъ надѣть перстень, какъ тутъ же свалился мертвымъ на землю.

Заплакалъ песъ богатырскій.

Понялъ онъ, что не послушалъ его указаній Иванъ-Сирота, да только никакъ не могъ догадаться, что взялъ онъ у старой колдуньи.

Сълъ онъ около мертваго Ивана и завылъ жалобно.

Потомъ сталъ осматривать Ивана и увидѣлъ на пальцѣ его перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ.

Вдругъ слышитъ песь—шумъ по лѣсу идетъ.

Догадался вѣрный песь, что это старая колдунья идетъ, чтобы Ивану голову отрубить и на шесть у своего забора ее насадить.

Схватилъ песь Ивана за палецъ и откусилъ его вмѣстѣ.

Какъ только откусилъ песь палецъ у Ивана, такъ Иванъ сразу и ожилъ.

А песь вѣрный нечаянно палецъ съ перстнемъ проглотилъ.

Да тутъ же и сдохъ.

Посмотрѣлъ Иванъ-Сирота, видитъ — сдохъ его вѣрный песь.

Заплакалъ Иванъ-Сирота.

А шумъ по лѣсу все сильнѣе идетъ.

Услыхалъ его Иванъ и побѣжалъ безъ оглядки, куда глаза глядятъ.

Добѣжалъ онъ до какой-то пещеры и спрятался въ ней.

Вотъ прибѣжала злая вѣдьма къ двумъ обгорѣлымъ липкамъ и зашипѣла отъ злобы.

Думала Ивана найти, а нашла пса.

Жалко стало ей перстня чудеснаго.

Думала она Ивана мертвымъ найти, голову ему отрубить, а перстень назадъ послѣ этого себѣ назадъ взять, а вышло, что отъ перстня собака сдохла, а Иванъ невредимымъ куда-то ушелъ.

Стала колдунья Ивана искать.

Избѣгала весь лѣсъ, да какъ ни съ чѣмъ къ двумъ липкамъ и вернулась.

Стала она около пса колдовать и узнала, что кольцо ея у пса въ желудкѣ лежитъ.

Вынула она изъ кармана порошокъ и посыпала его въ ноздри псу.

Песъ отъ этого порошка какъ чихнетъ.

Кольцо съ пальцемъ и выскочило.

Ожилъ сразу песъ, да пока колдунья перетень съ Иванова пальца снимала, пустился со всѣхъ ногъ прочь отъ колдуньи.

Оглянулась колдунья, а пса и слѣдъ простыль.

Бѣжитъ песъ по лѣсу, а самъ слѣды обнюхиваетъ.

Добѣжалъ онъ, наконецъ, до той пещеры, въ которой Иванъ-Сирота скрылся, вбѣжалъ въ нее и предсталъ передъ Иваномъ.

Обрадовался Иванъ, сталъ своего друга гладить и ласкать, а песъ и говоритъ:

— Ну, хозяинъ, мѣшкать некогда. Садись ко мнѣ на спину, да поѣдемъ дальше.

Въ часъ сто веретъ проѣхали и очутились, наконецъ, на большой лужайкѣ.

Поискалъ Иванъ-Сирота и нашель на лужайкѣ плиту чугунную съ чугуннымъ кольцомъ.

Всталъ передъ нею Иванъ-сирота и произнесъ:

— Духъ, появись!

Не успѣлъ онъ промолвить эти слова, какъ плита съ шумомъ поднялась, и изъ подземелья выскочилъ огромный духъ.

— Я слушаю твои приказанія, господинъ,—проговорилъ духъ.

Подумалъ-подумалъ Иванъ и говоритъ:

— Приготовь-ка ты намъ прежде всего поѣсть.

Хлопнулъ духъ въ ладоши, и тотчасъ же нѣсколько подвластныхъ ему духовъ выскочило изъ подземелья, неся два стола, два стула, разныя кушанья, фрукты, сласти и напитки.

Сѣли—Иванъ за одинъ столъ, а песъ за другой, и принялись за ѣду.

Наѣлся досыта Иванъ и спрашиваетъ:

— Что вы за духи и что это за подземелье?

— Я духъ этого подземелья,—отвѣтилъ первый духъ.— А остальные духи—мои слуги. Скрыты въ этомъ подземельѣ богатства тѣхъ трехъ старухъ, у которыхъ ты былъ.

Много добрыхъ молодцевъ до него добирались, да хоть сестры и давали разрѣшеніе, но всеъ молодцы либо у пер-

вой засыпали, либо у второй погибали, либо у третьей головы складывали. А теперь ты—нашъ господинъ. Только берегись, не захотятъ онѣ тебѣ простить, что ты ихъ со-
кровищами овладѣлъ, и постараются тебѣ отомстить.

Только-что сказалъ это духъ, какъ послышался въ лѣсу гулъ.

А это три колдуньи вмѣстѣ собрались и за Иваномъ въ погоню пустились.

Летятъ по лѣсу, деревья съ корнями выворачиваютъ да словно соломинки ихъ по сторонамъ пошвыриваютъ, дорогу себѣ очищаютъ.

Обернулся Иванъ-Сирота къ духу и говоритъ ему:

— Закрой подземелье такъ, чтобы колдуньи его открыть не могли. Да садись за моей спиной.

Заперъ духъ подземелье, а гулъ все громче становится, такъ по лѣсу трескъ и идетъ.

Вскочилъ на пса богатырскаго Иванъ-Сирота, посадилъ сзади себя духа, и понесся песь, словно вѣтеръ степной.

Долго скакали они, да вдругъ слышать тихій шумъ сзади.

Остановилъ пса Иванъ-Сирота, приложилъ ухо къ землѣ и сталъ прислушиваться.

Слышитъ трескъ и гулъ по лѣсу идетъ.

Догадался онъ, что три колдуньи за нимъ гонятся.

Вскочилъ онъ снова на пса, и помчался песь богатырскій еще быстрѣе.

Три дня и три ночи мчался вѣрный песь безъ отдыху.

А шумъ все ближе и ближе, шумъ все слышнѣе и слышнѣе, лѣсъ такъ и стонетъ отъ треска.

Оглянулся Иванъ-Сирота, а три колдуньи ихъ уже нагоняютъ, только четверть версты имъ до Ивана осталось.

Набрался силъ песь богатырскій, припустилъ что есть духу, оглянулся Иванъ назадъ, а колдуньи не отстаютъ, только все еще больше приближаются.

Уже нѣсколько саженой осталось, вотъ-вотъ схватятъ пса и Ивана.

Вспомнилъ тутъ Иванъ-Сирота про перстенецъ, который ему старикъ далъ.

Надѣлъ онъ его на палецъ и только успѣлъ его надѣть, какъ за хвостомъ пса огненная рѣвка образовалась.

Очутились всѣ три колдуньи въ огненномъ пламени, да такъ и сгорѣли въ немъ.

Спряталъ Иванъ-Сирота перстенецъ обратно въ кар-

манъ, огненное море исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли всѣ три колдуньи.

Обрадовался Иванъ-Сирота и говоритъ:

— Ну, песъ мой вѣрный, неси ты насъ снова назадъ, къ подземелью злыхъ колдуній.

Повернулъ песъ и помчался назадъ.

Вотъ бѣжалъ онъ, бѣжалъ и прибѣжалъ, наконецъ, до того самаго мѣста, гдѣ подземелье находилось.

Хлопнулъ духъ въ ладоши, и тотчасъ же отворилось подземелье.

Выскочили изъ него второстепенные духи, схватили Ивана-Сироту и спустили его на дно колодца.

Открылъ старшій духъ дверь, и Иванъ вошелъ въ огромный залъ, освѣщенный свѣтомъ, который исходилъ неизвѣстно откуда.

И увидалъ тутъ Иванъ, что весь залъ наполненъ серебряными сосудами, посудой, дорогими коврами и разными картинами и кучами серебряныхъ монетъ.

— Это сокровища младшей колдуньи, теперь все это принадлежитъ тебѣ, господинъ мой,—проговорилъ духъ.

Полюбовался Иванъ чудными вещами и пошелъ дальше за духомъ.

Вошли они въ другой залъ.

Видитъ Иванъ,—наполненъ залъ разной золотой посудой, драгоценными золотыми вазами, столами и стульями изъ слоновой кости.

— Это, господинъ, сокровища второй сестры,—проговорилъ духъ.—Но ничего такъ не цѣнила колдунья, какъ вотъ эту палочку.

Тутъ духъ подвелъ Ивана-Сироту къ золотому столу и показалъ ему хрустальную палочку.

— Если махнешъ ты, господинъ, этой палочкой, то тотчасъ же появишься на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, хрустальный дворецъ,—сказалъ духъ.

Взялъ Иванъ палочку и пошелъ дальше.

Вотъ вошли они въ третій залъ.

Взглянулъ Иванъ, да такъ и ахнулъ.

Видитъ — самоцвѣтные камни грудами лежать, такъ разными огнями и горять.

А у задней стѣны, на кровати изъ слоновой кости, царевна стоитъ.

Такъ прекрасна была царевна, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.

Взглянулъ на нее Иванъ—и глазъ отъ нея отвести не можетъ.

А духъ и говорить:

— Это богатство старшей колдуньи, господинъ. Тридцать лѣтъ томилась у нея въ заточеніи царевна, тридцать лѣтъ спала она непробуднымъ сномъ. Но если ты возьмешь воды вонъ изъ того золотого кубка и вспрыснешь ее, она тотчасъ же проснется.

Обрадовался Иванъ.

Схватилъ онъ кубокъ золотой и вспрыснулъ царевну живой водой.

Открыла царевна ясныя очи, стала Ивана-Сироту благодарить.

Взялъ ее царевичъ за бѣлыя руки и тутъ же ей предложеніе сдѣлалъ.

Посмотрѣла прекрасная царевна на Ивана-Сироту, и понравился ей добрый молодець.

Согласилась она стать его женой, и пошли они вонъ изъ подземелья.

А духу Иванъ-Сирота приказалъ изъ подземелья все богатства вывести и на верблюдовъ погрузить.

Хлопнулъ въ ладоши большой духъ.

И появились передъ нимъ все подвластные ему духи.

Приказалъ имъ старшій духъ тотчасъ же тысячу верблюдовъ достать и на нихъ все богатства погрузить.

А Ивана-Сироту и царевну самъ старшій духъ изъ подземелья вынесъ.

Поклонился тутъ духъ Ивану и говорить:

— Сослужилъ я тебѣ службу, Иванъ-Сирота, отпусти ты насъ теперь на свободу. Долго жили мы въ неволѣ у трехъ колдуній, только и дѣлали, что ихъ богатства стерегли. А я тебѣ послѣднюю службу сослужу.

— Ладно, — отвѣчаетъ Иванъ.

Духъ и говорить:

— Поѣзжай на востокъ, все прямо. Проѣдешь ты ров-

но сорокъ дней и въѣдешь въ царство, въ которомъ умеръ недавно царь. Не было у того царя дѣтей, и осталось теперь это царство безъ царя. Какъ увидить тебя народъ, такъ сразу тебя на царство попросить.

Поблагодарилъ тутъ Иванъ-Сирота духа и отпустилъ его и всѣхъ подвластныхъ ему духовъ на свободу.

Глянулъ Иванъ,—а караванъ уже готовъ.

Стоять нагруженные верблюды, а около нихъ погонщики и стража сильная.

Сѣлъ тутъ Иванъ-Сирота съ царевной на пса своего богатырскаго, и поѣхали всѣ прямо на востокъ.

Ровно сорокъ дней ѣхали они прямо на востокъ.

И, наконецъ, въѣхали въ столицу того царства, въ которомъ недавно царь умеръ.

Увидали жители, сановники и бояре Ивана, увидали прекрасную царевну и богатство Ивана и стали просить Ивана, чтобы онъ сталъ въ ихъ царствѣ царствовать и ими управлять.

Согласился Иванъ.

Вынулъ онъ тутъ хрустальную палочку, махнулъ ею, и появился въ ту же минуту около него дворецъ изъ чистаго хрусталя.

Все было въ томъ дворцѣ изъ хрусталя: и самый дворецъ, и службы, и конюшни.

Взялъ Иванъ царевну за руки бѣлыя и повелъ во дворецъ.

А песь богатырскій вдругъ объ землю ударился, обернулся добрымъ молодцемъ и говорить:

— Ну, Иванъ-Сирота, вотъ и надо мною теперь заклинаніе кончилось. Послужилъ я тебѣ псомъ, послужу тебѣ теперь витяземъ.

Собралъ тутъ Иванъ-Сирота всѣхъ сановниковъ, бояръ и народъ, задалъ пиръ на весь міръ и сыгралъ свадьбу.

И сталъ съ тѣхъ поръ въ своемъ царствѣ царствовать, жену свою лелѣять и подданными управлять.

А витязь, въ котораго песь обернулся, его первымъ другомъ и помощникомъ сдѣлался.

Оома Беренниковъ.

I.

Жила-была въ деревнѣ одна баба, а у ней былъ сынъ, на одинъ глазъ кривой.

Звали его Оома Беренниковъ.

Парень былъ лядащій, кто не толкнетъ—такъ на землю и валится.

Всѣ, бывало, надъ нимъ только потѣшаются, всѣ надъ нимъ посмѣиваются.

Разъ какъ-то выѣхалъ Оома въ поле пахать. Самъ лядащій да и лошадь кляча-клячей, едва на ногахъ держится, того и гляди, свалится.

Растерла кляча плечо хомутомъ, а на растертое мѣсто и понасѣли слѣпни.

Увидаль это Оома да какъ ударить ладонью по растертому мѣсту и передавилъ слѣпней.

Сталь онъ считать убитыхъ слѣпней и насчиталь двадцать четыре. Потомъ поработаль немного, измучился, вернулся домой, клячу распрягъ, а самъ около навозной кучи усѣлся.

А навозную кучу комары да мухи облѣпили, такъ и копошатся. Оома взялъ вѣтку да ка-акъ хлеснетъ!

Сталь убитыхъ комаровъ и мухъ считать и насчиталь сотню.

Обрадовался Оома и думаетъ:

— Знать, и у меня сила богатырская, коли я однимъ взмахомъ сто душъ побивахомъ! Не хочу я больше пахать, поѣду славы искать!

Пришелъ Оома къ матери и говоритъ:

— Почуялъ я въ себѣ, матушка, силу богатырскую! Съ одного я маху двадцать четыре богатыря убилъ, а съ другого—сто душъ силы малой раздавилъ. Благослови меня, матушка, поѣду я на подвиги богатырскіе, на дѣло ратное!

Нечего дѣлать, поплакала-поплакала мать да и благословила сына.

Взялъ Ома тупой серпъ, тупой косарь да лычный кошель, сѣлъ на клячу да и поѣхалъ въ путь-дорогу.

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ да и пріѣхалъ до того мѣста, гдѣ у дороги столбъ стоялъ.

Слѣзь Ома съ клячи, пошарилъ въ карманахъ, нашель мѣлу кусокъ и написалъ на столбѣ:

„Проѣхалъ тутъ богатырь Ома Беренниковъ. Побиваетъ онъ однимъ махомъ двадцать четыре богатыря могучихъ, а oprичъ того сотню силы малой“.

Потомъ сѣлъ снова на клячу и поѣхалъ дальше.

А слѣдомъ за нимъ, по той же дорогѣ, славный богатырь Илья-Муромецъ ѣхалъ.

Подѣхалъ онъ къ столбу, прочиталъ надпись и думаетъ:

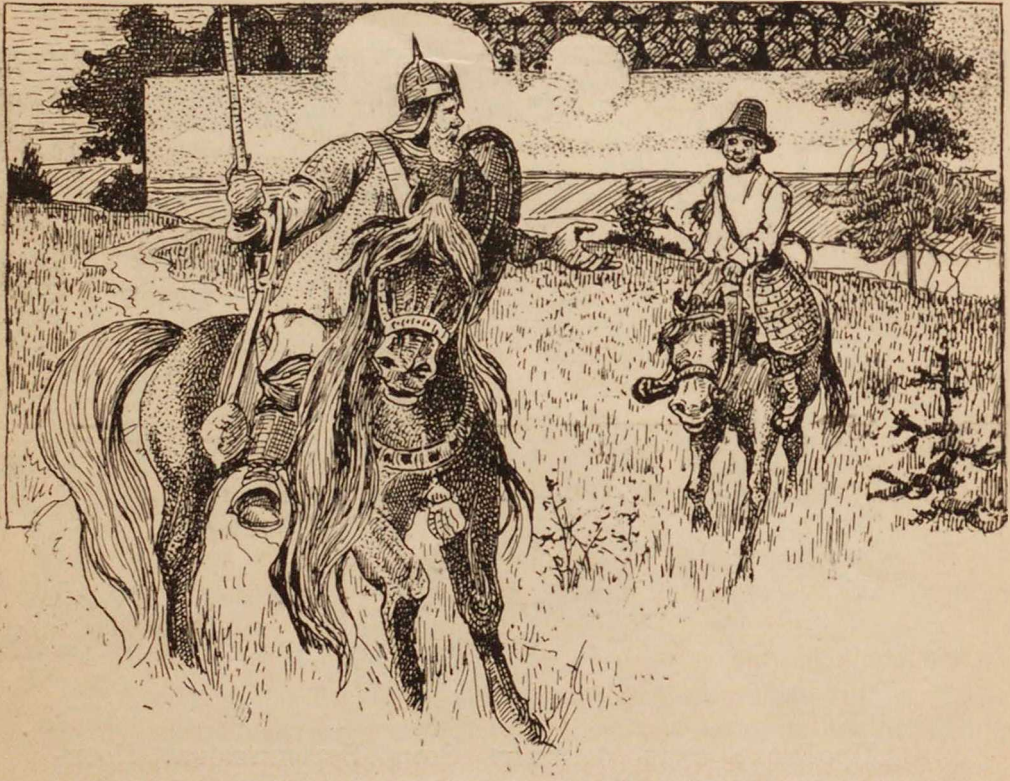
— Видна повадка богатырекая, не писалъ ни серебромъ, ни золотомъ, а писалъ мѣломъ простымъ! Должно,

и взаправду богатырь большой. Надо бы мнѣ побрататься съ нимъ.

И поскакали Илья-Муромецъ въ погоню за Ѡмой Беренниковымъ.

Нагналъ его и спрашиваетъ:

— Не видалъ ли ты славнаго богатыря, Ѡму Беренникова?

— Я и есть Ѡма Беренниковъ,—отвѣчаетъ Ѡма. Посмотрѣлъ Илья-Муромецъ на Ѡму Беренникова, а самъ дивится:

— Въ чемъ только сила сидитъ богатырская?!

И говоритъ онъ Ѡмѣ Беренникову:

— Давай, богатырь, побратаемся! Будь ты мнѣ старшимъ братомъ. Гдѣ прикажешь ѣхать мнѣ? Впереди или сзади.

— Ладно. Иди ко мнѣ въ науку, поѣзжай по лѣвую руку,—отвѣчаетъ Ома Беренниковъ.

И поѣхали они дальше.

А когда Илья-Муромецъ къ столбу подѣзжалъ, онъ къ надписи Омы и свою приписалъ серебромъ:

„А слѣдомъ за Омой Беренниковымъ поѣхалъ богатырь Илья-Муромецъ“.

Скоро поѣхалъ по той же дорогѣ и славный богатырь Алеша-Поповичъ.

Прочиталъ онъ надписи и захотѣлъ съ славными богатырями побрататься.

Вынулъ Алеша-Поповичъ кусокъ золота, написалъ на столбѣ:

„А за ними поѣхалъ славный богатырь Алеша-Поповичъ-младъ“—и поѣхалъ вдогонку.

Нагналъ онъ Ому и Илью-Муромца, подивился на Ому и спрашиваетъ:

— Скажи мнѣ, славный богатырь Илья-Муромецъ, по какую сторону мнѣ ѣхать?

— Не меня объ этомъ спрашивать, спроси брата моего старшаго, славнаго богатыря Ому Беренникова.

Подѣзжалъ Алеша-Поповичъ къ Омѣ и сталъ его спрашивать:

— Позволь мнѣ съ тобой побрататься. Гдѣ прикажешь мнѣ ѣхать—спереди или сзади?

— Ладно, будь моимъ младшимъ братомъ, поѣзжай сзади,—отвѣчаетъ Ома.

И поѣхали они втроемъ.

Долго ли, коротко ли ѣхали они, да и пріѣхали, наконецъ, въ чужое царство, въ незнакомое государство.

Заѣхали они въ заповѣдный садъ самого царя.

Илья-Муромецъ и Алеша-Поповичъ раскинули свои бѣлые шатры, а у Омы Беренникова ничего нѣтъ.

Взялъ онъ, снялъ рубаху, наткнулъ ее на колья, загородился отъ солнца да и заснулъ.

А попали они въ заповѣдные сады одного царя.

А на этого царя шелъ въ это время войной самъ китайскій царь съ ратью большою и съ шестью богатырями.

Узналъ царь, что на его землѣ три богатыря остано-
вились, и послалъ къ нимъ помощи просить.

А за это обѣщаль большую награду дать.

Ѳома выслушалъ царскаго гонца и говоритъ:

— Скажи царю, что мы противъ басурмана поидемъ,
а онъ, царь-батюшка, пускай спитъ спокойно и войско не
собираетъ. Мы и одни съ врагами справимся.

Гонецъ и ускакалъ.

А тѣмъ временемъ царь китайскій со своимъ войскомъ
совѣмъ близко подошелъ.

Пришелъ Илья-Муромецъ къ Ѳомѣ Беренникову и
сталъ спрашивать:

— Ты скажи мнѣ, старшой братъ, самъ ли пойдешь
или насъ пошлешь?

А Ѳома и говоритъ:

— Для меня этой силы мало, на полчаса не хватитъ.
Иди лучше ты, а коли тебя не хватитъ, такъ я на по-
мощь прійду.

Осѣдлалъ Илья-Муромецъ своего богатырскаго коня,
шелкнулъ шелковой плеткой по крутымъ бедрамъ, выхва-
тилъ мечъ свой острый и началъ рубить.

Въ часъ всѣхъ богатырей китайскихъ порубилъ
да какъ началъ войско рубить, такъ въ день отъ него,
кромѣ одного человѣка, никого не осталось.

Узналъ отъ него китайскій царь про то, какъ русскій
богатырь все его войско перерубилъ, разгнѣвался, собралъ
еще большее войско, да двѣнадцать богатырей и снова въ
походъ пошелъ.

Уже близко къ столицѣ войско бусурманское подошло,
царь въ страхѣ, жители плачутъ.

Вотъ пришелъ Алеша-Поповичъ къ Ѳомѣ Беренникову
и сталъ спрашивать:

— Ты скажи мнѣ, старшой братъ, самъ ли воевать
пойдешь или насъ пошлешь? Идетъ на насъ сила великая.

Ѳома и отвѣчаетъ:

— Сила эта не по мнѣ. Ступай ты, а коли нужно бу-
детъ—меня кликни.

Выѣхалъ Алеша-Поповичъ въ поле ратное да какъ
началъ мечомъ рубить, такъ только пыль пошла.

Полдня бился и всѣхъ богатырей китайскихъ порубилъ, а потомъ какъ пошелъ войско китайское рубить да конемъ топтать, такъ войско во всѣ стороны и разбѣжалось.

Забралъ Алеша-Поповичъ добычу богатую, забралъ всѣ обозы и казну и воротился къ Ѡмѣ Беренникову.

Еще пуще осерчалъ китайскій царь.

Собралъ онъ еще большее войско и выпустилъ своего завѣтнаго богатыря, великана грознаго.

А тотъ великанъ такъ высокъ былъ, что головой въ небо упирался. Равнаго ему на всемъ свѣтѣ не было.

Узнали про то Илья-Муромецъ и Алеша-Поповичъ-младъ,—не на шутку испугались.

Пришли они къ Ѡмѣ Беренникову, стали его спрашивать:

— Идетъ на насъ сила могучая, а ведетъ ту силу завѣтный великанъ-богатырь. Самъ ли пойдешь или насъ пошлешь?

А Ѡма Беренниковъ и говоритъ:

— Вотъ теперъ и моя очередь пришла. Вамъ съ завѣтнымъ богатыремъ, пожалуй, и не справиться.

А самъ про себя думаетъ:

— Все равно—помирать. Обдурилъ всѣхъ да дольше дурить нельзя. А съ мертваго не спросятъ.

И велѣлъ онъ Ильѣ-Муромцу свою клячу осѣдлатъ.

II.

Между тѣмъ китайскій царь призывалъ къ себѣ китайскаго богатыря и говоритъ ему:

— Слышь, мой завѣтный богатырь, русскіе богатыри не столь силой насъ берутъ, сколько хитростью. Гляди на того, кто противъ тебя выѣдетъ, и что онъ будетъ дѣлать, то и ты дѣлай.

— Ладно,—отвѣчалъ китайскій богатырь.

Опоясался онъ своимъ мечомъ, сѣлъ на богатырскаго коня и выѣхалъ на брань.

Тѣмъ временемъ Илья-Муромецъ и Алеша-Поповичъ пошли въ поле клячу Ѡмы искать.

Нашель Илья-Муромецъ клячу, схватилъ ее за хвостъ, перекинулъ во дворъ и говорить:

— Могучъ богатырь Ома Беренниковъ, а на такой клячѣ ѣздить, которая отъ щелчка богатырскаго подохнетъ. Знать, не въ ней сила.

А Алеша-Поповичъ и отвѣчаетъ:

— Охъ, смотри! Вишь, какъ ты клячу швырнулъ! Увидить это Ома, задасть тебѣ.

А кляча во дворѣ лежитъ и даже встать не можетъ.

Засѣдлалъ ее Ома Беренниковъ, сѣлъ на нее, захватилъ съ собою серпъ тупой да точило и поѣхалъ на поле бранное.

Какъ увидѣлъ онъ богатыря завѣтнаго, такъ до смерти перепугался.

— Ну,—думаетъ,—тутъ мнѣ и конецъ!

Да чтобъ не видѣть смерть, пригнулся къ шеѣ клячи и пустилъ ее вскачь.

Увидаль Ому китайскій богатырь завѣтный, а самъ думаетъ:

— Ужъ не для посмѣшища ли противъ меня такого комара выпустили? А можетъ быть, тутъ хитрость какая есть? Вишь, какъ онъ на шею клячѣ упалъ!

Взялъ великанъ, самъ къ шеѣ своего богатырскаго коня припалъ и понесся на встрѣчу.

Глядь—а Ома и остановился.

Остановился и завѣтный богатырь.

Усѣлся Ома Беренниковъ на землѣ, клячу привязалъ къ кусту, а самъ вынулъ свой тупой серпъ и точило и давай точить серпъ.

— Ну, не спроста онъ такъ дѣлаеть,—думаетъ китайскій богатырь.

Слѣзь онъ тоже съ коня, привязалъ его къ могучему дубу, а самъ сѣлъ на землю и принялся точить свой огромный мечъ.

Вотъ наточилъ Ома свой серпъ, подошелъ къ великану и говорить:

— Ну, дружокъ любезный, давай теперь силой помѣряемся. Только есть у насъ такой обычай: коли хотятъ два богатыря на смерть биться, такъ должны сначала

другъ другу въ ноги поклониться. Безъ этого у насъ не выходятъ и биться.

— Что жъ,—говорить великанъ,—я на это согласенъ.

А чтобы великану голову до земли склонить—нужно было полчаса, да столько же, чтобы голову поднять.

Вотъ началъ великанъ голову склонять, а Ома тоже склоняется, нарочно тихо это дѣлаетъ.

А какъ великанъ до земли головой коснулся, Ома перекрестился, поднялъ голову, подскочилъ къ великану да какъ полоснетъ его серпомъ по горлу!

До тѣхъ поръ рѣзалъ, пока всю голову ему не отрѣзалъ. Такъ великанъ ни за грошъ и пропалъ.

Ш.

Обрадовался Ома Беренниковъ.

Захотѣлось ему конемъ великана завладѣть, подошелъ къ нему, да конь не даетъ на себя влѣзть, да и высокъ очень.

Вотъ Ома вскарабкался на дубъ да и прыгнулъ съ вѣтки прямо въ сѣдло.

Какъ почувствовалъ богатырскій конь сѣдока, рванулся изо всей силы, выдернулъ дубъ съ корнемъ и понесъ Ому Беренникова на войско китайское.

Дубъ за собой волочетъ, кого копытами топчетъ, кого—дубомъ побиваетъ. Перепугалось войско китайское, побросало оружiе и бросилось бѣжать.

А конь богатырскій кого топчетъ, кого дубомъ бьетъ и до тѣхъ поръ скакалъ, пока почти всѣхъ не перебилъ.

Еле-еле конь остановился.

Прибѣжали тутъ къ Омѣ Беренникову Илья-Муромецъ и Алеша-Поповичъ, его силѣ не надивуются, передъ нимъ преклоняются.

Вышелъ изъ столицы и самъ царь, сталъ Ому благодарить, а потомъ приказалъ накрыть столы дубовые и сталъ богатырей угощать да добромъ надѣлать.

Много ли, мало ли времени прошло, а только услышала про Ому царевна-богатырша и пошла на него войной.

Подошла она со своимъ войскомъ къ заповѣднымъ са-

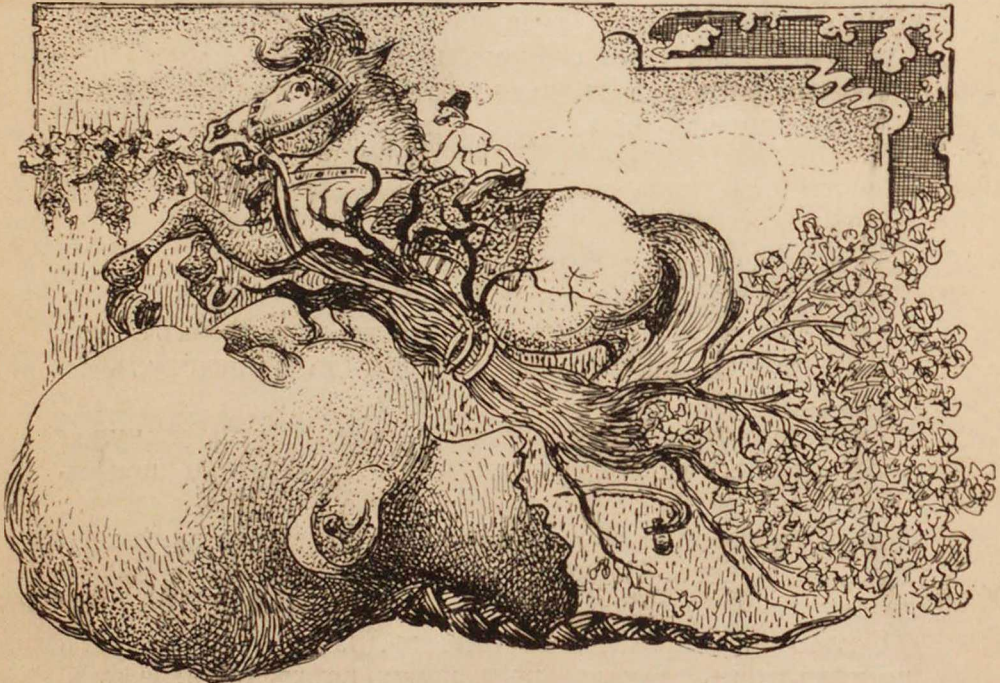
дамъ и выпустила войско съ десятью богатырями противъ **Ѳомы**.

Пришелъ къ **Ѳомѣ** Илья-Муромецъ и говорить:

— Идетъ противъ насъ царевна-богатырша. Самъ ли пойдешь или кого изъ насъ пошлешь?

А **Ѳома** проснулся и отвѣчаетъ:

— Иди пока ты, а я спать что-то хочу.

Пошелъ Илья-Муромецъ на войну, всѣхъ богатырей царевны перебилъ и все войско ея разогналъ.

Разозлилась царевна, собрала вдвое большее войско и еще пятнадцать богатырей и подступила снова къ заповѣднымъ садамъ.

Узналъ про это Алеша-Поповичъ, пришелъ къ **Ѳомѣ** Беренникову и говорить:

— Собрала царевна-богатырша еще большую рать и съ нею пятнадцать богатырей. Самъ ли пойдешь или кого изъ насъ пошлешь?

А **Ѳома** отвѣчаетъ:

— Иди ты, а мнѣ пока мараться не хочется. Что-то больно спать хочется.

Повернулся на другой бокъ да и заснулъ.

Сѣлъ Алеша-Поповичъ на своего богатырскаго коня, вынулъ острый мечъ и бросился на враговъ.

Началъ онъ рубить направо и налево, сначала на богатырей кинулся и всѣхъ ихъ перерубилъ, потомъ началъ войско царевнино крошить и все его разогналъ.

Испугалась царевна-богатырша и послала къ Оомѣ мира просить, да его съ товарищами на обѣдъ просить.

А сама хитрость затѣяла. Хотѣла Оому напоить да и убить.

Какъ пришелъ Оома съ Ильей-Муромцемъ и съ Алешей-Поповичемъ, царевна-богатырша усадила ихъ съ собою за столъ и говоритъ:

— Ну, спасибо тебѣ, славный богатырь, Оома Берениковъ!

Положила она тутъ свою руку на плечо Оомѣ; отъ той тяжести Оома чуть на землю не упалъ, едва выдержалъ.

А какъ пожалала она руку Оомѣ, такъ у Оомы искры изъ глазъ посыпались, чуть не завылъ онъ отъ боли.

Стала царевна-богатырша Оому виномъ подчевать, а онъ не пьетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—у насъ послѣ дѣла сначала воду богатырскую пьютъ, а потомъ и вино. Только, видно, у васъ такой воды и въ поминѣ нѣтъ.

— Есть у меня вода богатырская,—отвѣчаетъ царевна,—только всего одна четверть.

Оома и говоритъ:

— Дай-ка я попробую. Такого ли она вкуса, какъ наша? А вмѣсто нея, чтобы тебѣ не въ убыткѣ быть, я тебѣ своей дамъ.

Приказала царевна бутылъ принести, налила бутылку Оомѣ, а Оома вышелъ во дворъ, начерпалъ въ посудину колодезной воды и далъ ее царевнѣ взамѣнъ.

Выпила царевна—и не почувчала.

А Оома выпилъ бутылку богатырской воды и сразу почувствовалъ, какъ сила въ немъдесятеро выросла.

Допилъ воду и говоритъ:

— Что-то и вкусу не разобралъ. Дай-ка еще бутылочку.

А царевнѣ взамѣнъ опять посудину съ простой водой дать.

Какъ выпилъ Ома еще бутылку богатырской воды, такъ почувствовалъ, что силы у него стало въ сто разъ больше.

Вышелъ онъ въ лѣсъ, схватилъ березу и вырвалъ ее съ корнемъ.

Пришелъ назадъ и говоритъ:

— А ну-ка, покажи мнѣ бутылъ-то.

Какъ подала ему бутылъ царевна, онъ всю воду богатырскую и выпилъ.

И сталъ онъ на самомъ дѣлѣ такимъ богатыремъ, какихъ и свѣтъ не создавалъ.

Вотъ попиروвали они, а царевна и говоритъ Омѣ:

— А ну-ка, Ома, давай помѣряемся силой. Коли моя возьметъ — тебѣ голову долой, коли ты побѣдишь, дѣлай со мной что хочешь.

— Давай, — отвѣчаетъ Ома.

Пошли они къ лѣсу, что подъ утесомъ росъ.

Схватила царевна старый дубъ и вырвала его съ корнемъ.

А Ома подошелъ къ каменному утесу да какъ нажалъ его плечомъ, такъ утесъ въ песокъ и разсыпался.

Подивилась царевна такой силищѣ непомѣрной и стала Омю о пощадѣ молить.

Ну, Ома и смилоствился.

Онъ женился на царевнѣ-богатыршѣ и сталъ ея царствомъ управлять.

А Илью-Муромца и Алешу-Поповича щедро наградилъ и отпустилъ на дѣла богатырскія да на подвиги ратные.

На прощанье пиръ устроилъ.

На томъ пиру и я былъ, пиво, медъ пилъ, по усамъ текло а въ ротъ непопали.

Попалъ мнѣ меду корецъ, тутъ и сказкѣ конецъ.

изъ жизни Князя Александра Невского. Съ рисунок. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Жоржъ - Зандъ. Походженія Грибуля, Съ рисунок. п. 45 к. Въ папкѣ 60 к.

Козлова. Поюшій Камень. Кавказск. легенда. Съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Кольцо. Разсказъ. Съ рис., п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

Коринфсий, А. А. „На ранней зорькѣ“. Стихотворенія для дѣтей, съ рис. Слб. 96 г. п. 50 к. Въ папкѣ 70 к.

Кругловъ, А. В. „Превращенія Зины“. Разск. для дѣтей младш. возр. съ рис., изд. 2-е М. 1900 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— „Все пріятели“. Разск. для дѣтей младш. возраста, съ рис. Изд. 3-е М. 1903 г. Цѣна 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Далекое Рождество. Изъ дѣт. вос., съ рис. Изд. 2-е. М. 99 г. п. 30 к. Въ пап. 45 к.

— „Въ гостяхъ. Въ Крыму“. Очеркъ. Изъ раз. пріят. Изд. 2-е, съ рис. п. 20 к. Въ пап. 35 к.

— „Котофей Котофевичъ“. Пов. для дѣтей, съ рис. Изд. 3-е. п. въ пап. 1 р.

— „Первое говѣнье“ (изъ дѣтскихъ воспоминаній). Съ рис. Изд. 2-е. М. 900 г. п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— „Изъ золотого дѣтства“. Повѣсть для дѣтей въ 55 рисун., въ текстѣ. Изд. 4-е. М. 1903 г. п. въ папкѣ 1 р.

— „Разные разсказы“. Для дѣтей шкод. воз. (2-е изд. книги Подарокъ на елку). Съ рис. М. 98 г. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

— „За чужимъ горбомъ“. Пов. для дѣтей. Съ рис. п. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

— Пѣдъръ и Одѣ. Пов. для дѣтей. М. 1901 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Разными дорогами. Пов. для дѣтей Изд. 2-е М. 1901 г. п. 1 р. Въ пап. 1 р. 25 к.

— Сердобольная. Разск. М. 901 г. цѣна 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— На скользкомъ пути. Разск. для дѣтей съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Кругловъ и Догановичъ. „Маша“. Пов. съ рисунок. М. Михайлова. Изд. 3-е. п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Лаухина, М. „Крысанка разбойникъ“. Пов. для дѣтей. Съ рис. п. 80 к. Въ пап. 1 р.

— Соловейко. Разск. для дѣтей. Съ рис. п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— Свѣтлые дни. Разск. Съ рис. п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— Пріемышъ. Повѣсть изъ жизни одной дѣвочки, п. 35 к. Въ папкѣ 50 к.

Леббокъ, Дж. „Красоты природы и ея чудеса“ Перев. съ англ. Изд. 2-е М. 1902 г. п. 65 к. Въ папкѣ 80 к.

Лукашевичъ. Свѣтлячокъ. Разсказы, сказки и сценки для мал. дѣтей. Съ рисунок. М. 98 г. Въ папкѣ 80 к.

Луныяновскій. Русск. народн. сказки и были. Съ рисунок., 2 т., ц. по 80 к. Въ пап. по 1 р.

— Сказаніе о томъ, какъ построена перекость Трифона, п. 20 к. Въ папкѣ 30 к.

Лѣсничій, Ан. Приключенія Ивасака, мален. хохла. Поэма въ стих. Съ рис. Изд. 2-е. М. 96 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Любичъ-Кошуровъ. Въ царствѣ пчелъ и муравьевъ. Пов. Съ рис., п. 30 к., въ пап. 45 к.

— „Подкидышъ“. Разсказъ изъ жизни птицъ. Съ рис. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Во имя любви, разск. Съ рисунок. п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

Любичъ-Кошуровъ и Медвѣдевъ. Въ стойлахъ. Изъ жизни лошадей. Съ рис. п. 35 к. Въ папкѣ 50 к.

— „Друзья-пріятели“. Разсказъ изъ жизни животн. Съ рис. п. 75 к. Въ пап. 1 р.

Львовичъ, В. По родному краю. Сборникъ статей по отечествовѣдѣнію. Книга для чтенія въ школахъ и дома. М. 1902 г. п. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

— Народы русскаго царства. Сборникъ статей по этнографіи. Книга для чтенія въ школахъ и дома. Съ рисунок. въ текстѣ. М. 1902 г. п., 2 р. Въ переп. 2 р. 50 к.

Мауэнеръ. Исторія бѣднаго Ётели. Прикл. маленькаго словака, п. 30 коп. Въ папкѣ 45 к.

Медвѣдевъ, Л. Первые шаги. Разск. для дѣтей. Съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Изъ жизни писателей. Воспом. для дѣтей, п. 45 к. Въ папкѣ 60 к.

— Господинъ Котикъ. Разск. Съ рисунок. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Въ гимназій. Стран. изъ воспоминаній, п. 1 р. 25 к.

Митропольскій, Ив. Изъ жизни. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 99 г. п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— „Рыцарь“. Разск. изъ исторіи одного медвѣдя. М. 1900 г. п. 25 к. Въ пап. 40 к.

— Сторожъ и др. разск. съ рис. М. 902 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Артемовы питомцы (Три арапченка). Разсказъ. Съ рис. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Ѳедоръ Коробейникъ и друг. разск. Съ рис. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Тяжелый годъ. Разсказы изъ 1812 г. Съ рисунок., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— Муравьи спасители и др. разск. для дѣтей, съ рисун., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Монгомери. Его не поняли. Повѣсть для дѣтей. М. 901 г. п. 45 к. Въ папкѣ 60 к.

Мюзереръ. Пережитое. Воспом. Съ рис. п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

Николаевъ. Палестина. Геогр. очеркъ, п. 20 к.

Минольский, А. М. Уроки жизни. М. 1902 г. п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

— Наши животныя. Очерки съ рисунк. М. 902 г., п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

Поляновъ, Н. „Влесточки“, воспоминанія и разск. для дѣтей, съ рисун. М. 99 г., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Поталенко, И. Н. Золотая медаль. Съ рисун. М. 99 г., п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

Разинъ, А. Разоренный голь. Истор. пов. азъ 1812 г. съ рис. Изд. 4-е, п. 40 к. Въ п. 55 к.

— Германъ Степанъ Острианица. Ист. пов. Съ рис. Изд. 4-е, п. 40 к. Въ пап. ц. 55 к.

Разина. „Жизнь не для себя“. Пов. для дѣтей, съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Сергѣенко. Хитрецъ. Разск. для дѣтей. Съ рис. М. 99 г., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Галя. Повесть для дѣтей, съ рисун. п. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

Сизова. Князь Вячко. Истор. пов. п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— Иванъ Кулибинъ, п. 15 к. Въ пап. 25 к.

Смайльсъ. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта.— „Жизнь въ Австрали и переѣздъ черезъ Америку“. М. 99 г., п. 1 р. 25 к. Въ папкѣ 1 р. 50 к.

Смирновъ, Ил. Родное. Разск. для дѣтей, съ рис. 3-е изд. М. 1901 г., п. 75 к. Въ пап. 1 р.

— „Подласокъ“. Разск. для дѣтей, съ рис. 4-е изд. М. 1901 г., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— „Послѣ экзаменовъ“. Разск. для дѣтей, съ 6-ю рис. М. 97 г., п. 20 к. Въ пап. 35 к.

— „Дѣтскіе годы“. Воспоминаніе дѣтства и юности. Изд. 2-е, п. 80 к. Въ папкѣ ц. 1 р.

— „Школьные годы“. Воспоминанія, съ рис. Изд. 2-е, п. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

— Все правда. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 98 г., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— Изъ дѣтской жизни. Разсказы для дѣтей, съ рис. Изд. 2-е, п. 35 к. Въ пап. 50 к.

— Урокъ и др. разск. Съ рисунк., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Костя Рукавицянъ. Разск. Съ рис., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— На привольѣ. Разсказы для дѣтей, съ рисун., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. „Маленькія дѣти“ Раз. для мален. дѣт. Съ 40 рис. въ текст. Изд. 2-е, Спб. 95 г., п. 35 к. Въ пап. 50 к.

— „Дѣтскій мірокъ“. Разск. изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. Чтеніе для дѣтей отъ 6 до 10-лѣтн. вобр. въ трехъ отд., съ рис. Изд. 3-е. М. 1901 г., п. 75 к. Въ папкѣ 1 р.

— Былинки. Разск. и сказ. для мален. дѣтей, съ 30 рис. М. 99 г., п. 30 к. Въ пап. 45 к.

Соловьевъ, М. На улицѣ и дома. Разск. для дѣтей изъ сельскаго быта, съ рисунк., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Сорокинъ, Ник. Всюду жизнь. Разск. для дѣтей изъ жизни и природы. Съ 20 рис. М. 99 г., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Сталь. „Скользкій путь“. Раз. М. 99 г., п. 60 к. Въ папкѣ 75 к.

Станюковичъ, М. М. Разск. для дѣтей. Изъ морской жизни, съ рисунк. М. 902 г. Изд. 2-е, п. 75 к. Въ папкѣ 1 р.

— Разсказы стараго бодмана, п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Сысовъ, В. „Мотыльки“. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 98 г., п. 45 к. Въ папкѣ 60 коп.

— Утреннія зорьки. Разск. для дѣтей. Съ рис. М. 1900 г., п. 60 к. Въ пап. 80 к.

— Воляной мірокъ. М. 1901 г., п. 20 к. Въ папкѣ 35 к.

— Бытовые разсказы. М. 1902 г., п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

— Жизнь въ природѣ. Веселыя сказочки. М. 1902 г., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Наши враги и друзья. Очерки изъ жизни животн. и птицъ. Съ рис., п. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

Твенъ М. Принцъ и нищій. Пов. для юнош., съ рис. Въ папкѣ 2 р.

— Тоже прост. изд., п. 75 к. Въ пап. 1 р.

— Приключенія Тома. Пов. для юношества, съ рис., п. 2 р.

Тоже прост. изд., п. 80 к. Въ пап. 1 р.

Тепловъ. Боецъ. Разск. изъ исторіи одной лошади. Съ рис., п. 20 к. Въ папкѣ 30 к.

Уйда. Приключенія маленькаго графа. Разск. для дѣтей, перев. Н. И. Перельгина, съ рис. 5-е изд. русск. М. 99 г., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Фарраръ. Тьма и расвѣтъ. Историч. ром. изъ времени Нерона. Изд. 2-е. М. 1900 г., п. 1 р. Въ переп. 1 р. 50 к.

Черный. „Искорки“. Разск. и сказки для дѣтей, съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— „Друзья“. Разск. и сказ. для дѣт. съ рисунк. М. 99 г., п. 35 к. Въ папкѣ 50 к.

— „Пепиньолло“. Разск. съ рисунк., п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— „Дѣтскіе годы Шекспира“. Съ рисунк. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Зайкины страхи, разск. и сказки съ рис. М. Михайлова, п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Чистякова-Вэръ. Разсказы для дѣтей. Изд. 2-е, съ рис., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

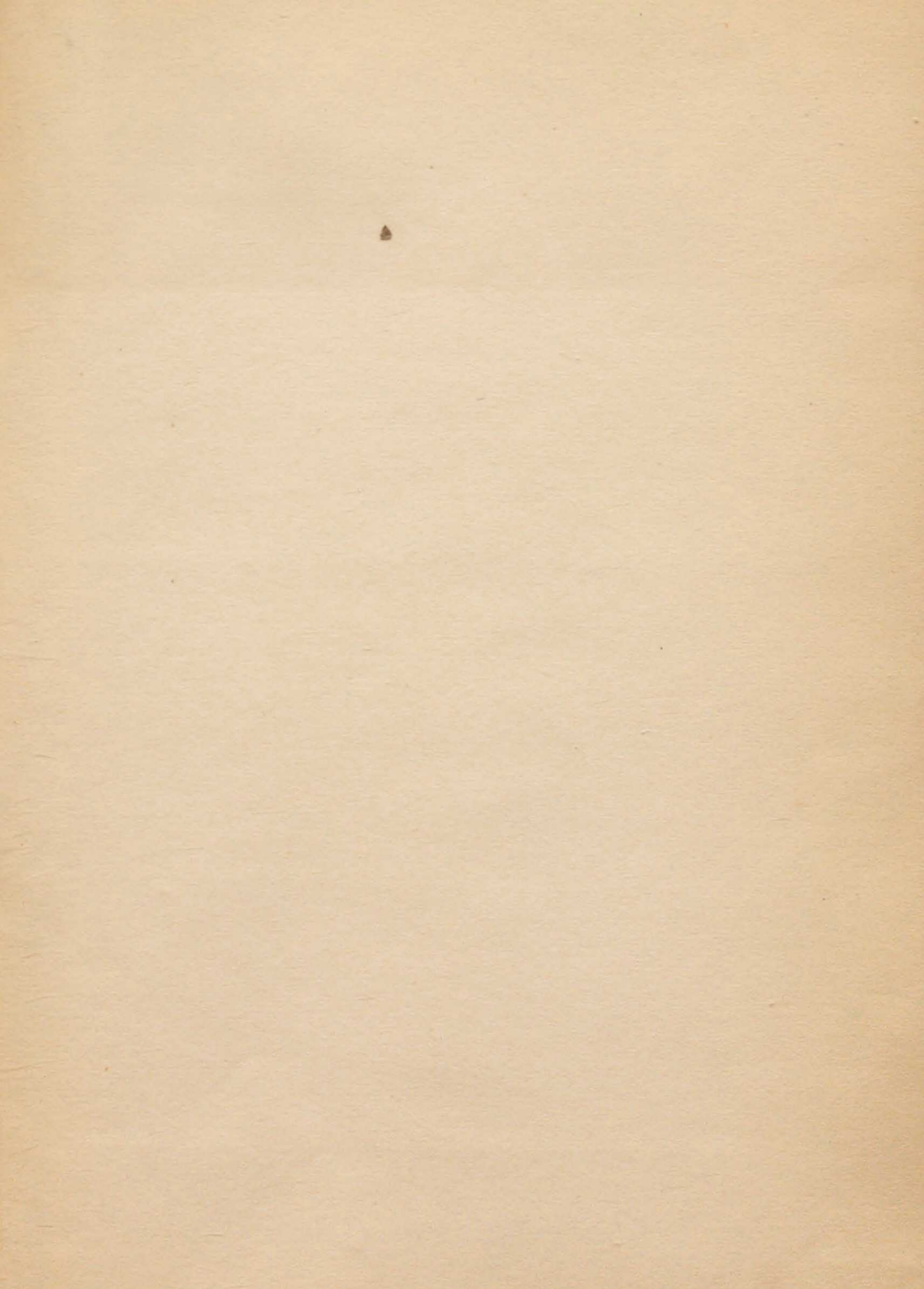
— Въ царствѣ радости. Сказки для дѣтей. Съ рисун. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Забыта и др. разсказы. Съ рисунк., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Юрѣва. Крутые горки. Изд. 2-е. Съ рисунк., п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— На южномъ берегу Крыма. М. 1902 г. п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

Цѣна 50 коп., въ папкѣ 75 коп.

2011147261